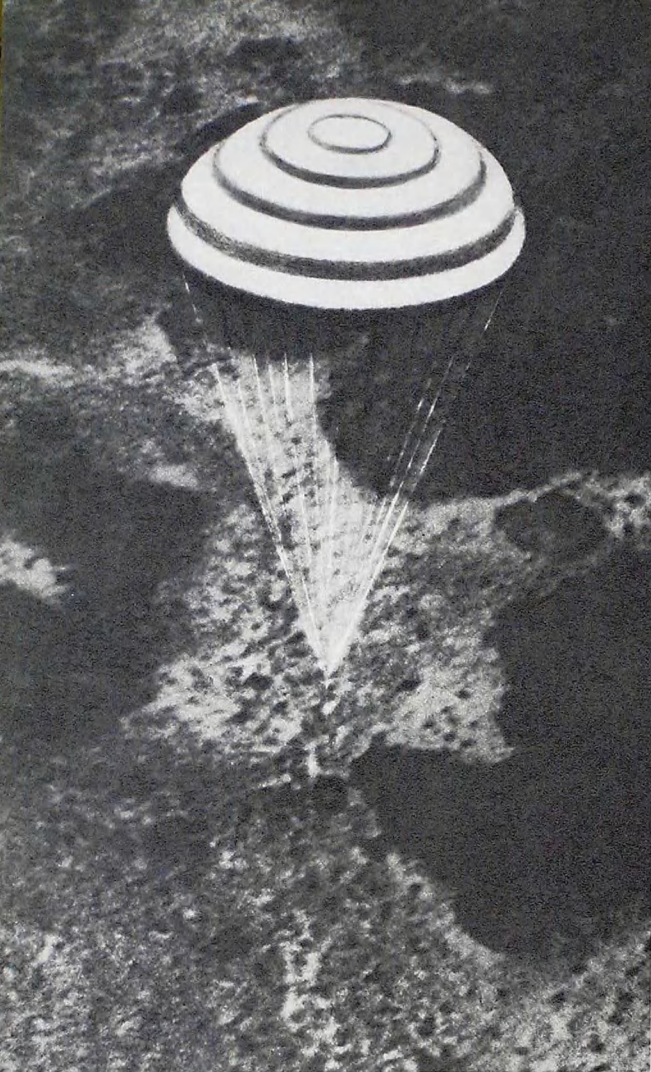

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 42 ОКТЯБРЬ 1980

Спускаемый аппарат космического корабля «Союз-37».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 42 (2779)

18 ОКТЯБРЯ 1980

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1980

ДОРОГА ДЛИННОЮ

Космонавты В. В. Рюмин (слева) и Л. И. Попов после приземления.

Телефото В. Кузьмина и В. Зыбина (ТАСС)

В ПОЛГОДА

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Завершился космический полет Леонида Попова и Валерия Рюмина. Спускаемый аппарат круго пошел на снижение. Кончалась невесомость, в теле обоих космонавтов появилось ощущение, казалось, давно забытое...

См. стр. 4.

Во время переговоров.

СОВЕТСКО-СИРИЙС

Подписание советско-сирийского Договора о дружбе и сотрудничестве.

Проводы на аэродроме.

КОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР с 8 по 10 октября 1980 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации.

Во время визита состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым, заместителем Председателя Совета Министров СССР И. В. Архиповым, начальником Генерального штаба Вооруженных Сил — первым заместителем министра обороны СССР Маршалом Советского Союза Н. В. Огарковым и Генеральным секретарем ПАСВ, Президентом САР Х. Асадом, членом Руководства ПАСВ, Председателем Совета Министров САР А. Р. Касимом, заместителем Генерального секретаря ПАСВ З. Машариком, членом Руководства ПАСВ, заместителем Председателя Совета Министров, министром иностранных дел САР А. Х. Хаддамом, членом Руководства ПАСВ, заместителем Предсе-

дателя Совета Министров САР по экономическим вопросам А. К. Каддуром, членом Руководства ПАСВ, министром обороны М. Тласом, членом Центрального руководства Прогрессивного национального фронта Д. Навим, членом Центрального руководства Прогрессивного национального фронта А. Османом, министром труда и социальных дел САР Ю. Джузидани.

В ходе переговоров, проходивших в духе дружбы и взаимопонимания, был проведен обстоятельный и плодотворный обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-сирийских отношений, положения на Ближнем Востоке и по другим международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Учитывая достигнутый уровень советско-сирийских отношений и желая поднять их на новую, еще более высокую ступень, стороны решили заключить Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой. Договор подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Генеральный секретарь ПАСВ, Президент САР Х. Асад. Им было подчеркнуто важное политическое значение этого документа в плане дальнейшего укрепления и углубления советско-сирийского сотрудничества.

Фото А. Гостева

Во время вручения премии.

Фото В. Мусазьяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ «ЗОЛОТОЙ МЕРКУРИЙ» Л. И. БРЕЖНЕВУ

За выдающийся вклад в укрепление мира и развитие международного сотрудничества Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу присуждена международная премия «Золотой Меркурий» за мир и сотрудничество.

13 октября в Кремле состоялось торжественное вручение премии. Обращаясь к Леониду Ильичу Брежневу, президент почетного Международного комитета премии «Золотой Меркурий», заместитель министра внешней торговли СССР Н. Д. Комаров сказал:

Ассоциация международной премии «Золотой Меркурий» приняла решение наградить Вас за выдающийся вклад в укрепление мира и развитие международного сотрудничества почетной премией «Золотой Меркурий».

Известие о Вашем награждении несомненно вызовет одобрение всех людей доброй воли.

В своем выступлении генеральный секретарь исполнительного комитета премии «Золотой Меркурий» Л. Галло сказал:

Уважаемый господин Президент! Мне предосталась высокая честь от имени исполнительного комитета международной премии за мир и сотрудничество «Золотой Меркурий» вручить Вам эмблему «Золотой Меркурий».

Для нас это знаменательное событие представляет и честь и глубокое удовлетворение, поскольку это признание распространяется на Вас и весь народ великой страны Союза Советских Социалистических Республик — народ, который всегда находится в авангарде борьбы за свободу, братство, сотрудничество трудящихся всего мира.

Разрешите пожелать Вам, чтобы Ваш труд в пользу разрядки был завершён успехом, к которому Вы, господин Президент, и весь советский народ так стремитесь.

Под продолжительные аплодисменты присутствующих генеральный секретарь исполнительного комитета международной премии вручил Леониду Ильичу Брежневу эмблему «Золотой Меркурий» и диплом.

Затем выступил Л. И. Брежнев. Мы, в Советском Союзе, подчеркивал он, всегда видели в равноправии и свободной международной торговле не только хорошее средство удовлетворения материальных интересов участвующих сторон, но и прежде всего — могучий фактор укрепления мира и добрых отношений между народами.

В наше неспокойное время, когда в руках нескольких государств сосредоточены средства массового уничтожения, способные лишить жизни сотни миллионов людей и поставить цивилизацию современного человечества на край гибели, эта миротворческая роль международной торговли особенно велика.

И чрезвычайно ценен вклад тех, кто, противостоя политическим искушениям, торговлю как орудие политического нажима и шантажа, последовательно содействует развитию этой важнейшей формы мирного общения народов.

Поэтому я весьма высоко ценю деятельность ассоциации международной премии «Золотой Меркурий», присуждающей премии за вклад в развитие национальной экономики и международных экономических отношений.

См. 2-ю стр. обложки.

ДОРОГА ДЛИННОЮ В ПОЛГОДА

Пройдут недели, месяцы. Отдохнет экипаж, вернется к своим повседневным делам и занятиям. Будут написаны отчеты, обработаны пленки. Обсчитаны и осмыслены результаты этого долгого полета. Но, наверное, как раз тогда люди еще глубже постигнут суть и высоту совершенного подвига...

В начале марта, недели за четыре до расчетной даты старта новой длительной экспедиции на станцию «Салют», серьезно погрелся по космонавту Лебедеву — партнер Полова. Еще более неожиданным явилось предложение направить в полет слова Юмича — если, конечно, согласится — ведь минуло только семь с половиной месяцев, как завершился

его предыдущий, шестимесячный полет.

Он дал согласие. Понимал: снова надолго арды от родных. Снова замкнутое пространство станции, где пол и потолок — лишь условные понятия, просто прирученные для сохранения твоих земных ощущений и привычек, а так — плоскости, сплошь перстящие пультами и приборами, ручками, кнопками, лампочками, тумблерами, экранами. Снова несомыслие, борьба с которой только в ежедневной тяжелой физической тренировке. Снова — только вдвоем. Но он дал согласие.

Однажды я прочитал о группе ленинградских селекционеров, которые в блокаде, умирая с голода, берегли для будущих поколе-

ний запасы отборных сортов зерна. Это был подвиг, да позволял так сказать, протяженный, растянутой на девятисотлетней шкале времени. Сейчас, глядя на улыбающегося лица только что вернувшихся из полета Леонида Полова и Валерия Юмича, я неожиданно вспомнил про тех ленинградцев. Впрочем, неожиданно ли?

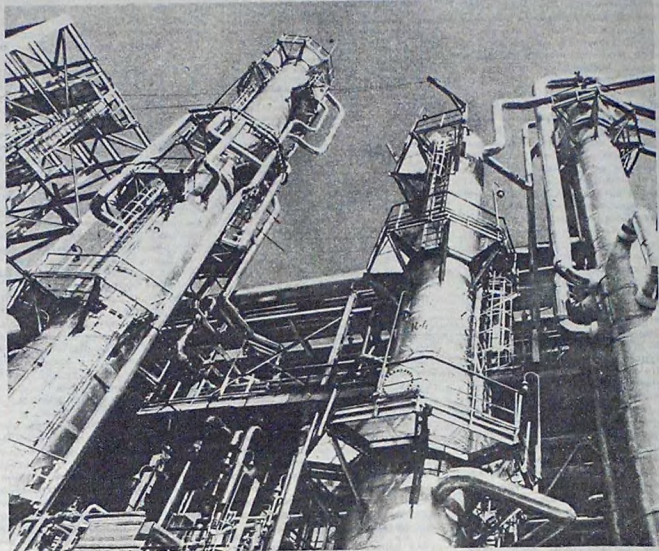
Этот полет протекал внешне с той степенной размеренностью, с какой идет работа, ну, скажем, экипажа трансатлантического авиалайнера. Эксперименты, наблюдения, съемки, настройка приборов, занятия физкультурой, ведение документации, радиопереговоры, телерепортажи, встреча экспедиций, посещения грузовых

кораблей, прием и размещение грузов. Все шло по программе. Конечно, отклонения от нее случались, ну, да программа не дала, не свод законов. В нынешнее времена она составляется в расчете не столько на безукоризненную исполнительность человека на борту, сколько на его знания, интеллект, инициативу.

Не было на этот раз столь острых ситуаций, как та, что сложилась перед самым завершением предыдущей полугодовой экспедиции. Вспомним, как буквально за день до расчетной даты посадки от станции не отстрелился антенна космического радиотелевизиона, что поставило под угрозу возможность работы на борту орбитальной дальневосточной экспеди-

Трудящиеся Советского Союза! Активно боритесь за ускорение научно-технического прогресса!

Из Призывов ЦК КПСС к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Установка для получения гелия.

ЕСТЬ ПЯТИЛЕТ!

**«огонек»
в оренбуржье**

Хамид Исаев, начальник установки, и Михаил Соколов, старший оператор.

Многотысячный коллектив Всесоюзного промышленного объединения «Оренбурггазприрод» добился замечательной победы: выполнил свой государственный пятилетний план по добыче и переработке газа. Уже добыто 188 миллиардов кубометров горючего топлива. Коллектив удостоен международной премии «Золотой Меркурий».

Сегодня мы рассказываем о пуске второй очереди гелиевой установки Оренбургского газоперерабатывающего комплекса.

Вокруг еще недавно желтые хлебные поля шла жатва-80. А большой коллектив строителей, монтажников, пусконаладчиков к тому времени уже завершил свою очередную «страду» — сооружение второго гелиевого блока. На высоту семнадцати этажей поднялась верхняя отметка блока конденсации.

Нулевой цикл начали здесь бригады четвертого управления «Оренбурггазстрой», трибковую эстафету продолжили коллективы трестов «Оренбурггазтехмонтаж», «Двигателмонтаж», «Союзкиловодмонтаж», «Южуралэлектромонтаж», «Южуралкавтоматика». Вместо полутора лет по нормативам они установили технологическое и другое оборудование за одиннадцать месяцев.

Нашу установку, — говорит директор К. М. Комаров, — можно было бы назвать экспериментальной. Отечественное оборудование изготовлено в единственном экземпляре для опытно-промышленной проверки. Тут все впервые: первая, и самая крупная в Союзе, го-

ловная установка получения гелия, первая отечественный блок получения этановой фракции, экспериментальная компрессорная станция для переноски этана и многое другое. Монтаж, пуск и наладка оборудования велась под наблюдением группы сотрудников Ленинградского научно-исследовательского и конструкторского института химического машиностроения во главе с главным конструктором гелиевого станова И. Л. Андреевым. Технологию производства разработали специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института газа.

Предельно емкая компоновка оборудования снизила металлозатраты, но потребовала от монтажников высокой профессиональной выучки. Две суток не уезжала домой бригада В. Иванова, пока не закончила работу.

Такие же темпы и качество показали бригады Н. Шульгача, А. Павлова и А. Севастьянова.

Главная задача западных специалистов в недалеком будущем — обеспечить этаном казанский завод «Оргсинтез». Строится этанопровод. От Оренбурга до Казани газ впервые в отечественной практике будет транспортироваться без промежуточных компрессорных станций.

За небольшой короткий срок «огонечный» газ аттестован на государственной Знани качества. Начальник установки «огонечный» гелий Х. И. Исаев и старший оператор М. Д. Соколов выдвинуты в составе авторского коллектива на соискание Государственной премии СССР.

В. КУЗНЕЦОВ,
корреспондент газеты
«Юный Урал»,
контрольный пост «Огонька»

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Работники сельского хозяйства, заготовительных, транспортных, перерабатывающих и торговых предприятий! Не допускайте потерь сельскохозяйственной продукции!

Все, что произведено, должно быть использовано на благо народа!

Из Призывов ЦК КПСС к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

Вячеслав КОСТЫРЯ

От росы до росы не смолкает рокот хлопкоуборочных машин на просторах Узбекистана. Ленты проселков и асфальтовых дорог — сплошные белые потоки. В конце их поднимаются ладные четырехугольные холмы за огромными заготовительными пунктами. Этим холмам еще теснее, темп уборки высокающий. Счет пошел на миллионы тонн. И радостно думается: какое же это богатство — столько натурального волокна! Ценность хлопка непреодолима. Хотя яркая, искрящаяся синтетика и вторгается в наш быт все наторпее, во многих сферах не издается, например, самодельные, в традиционной цветастой обложке из ситчика или сатины широковатные одеяла. Солнечно-теплые, пухлявые.

В Узбекистане такие одеяла называют «курпак», а узине, продолговатые — «курпан». Эти последние и стелют на деревянном помосте по краям дашархана — скатерти с астами. После трудов праведных в поле пообедать таким вот образом, полулежа на мягкой «курпане», — и сразу силы восстанавливаются. Особенно в уборочную струю, когда и минута на счету.

Уборка вообще труднейшее дело, в хлопководстве же... Кстати, чтобы собрать начинку для обычного ватного одеяла из натуральных комочков хлопка (величиной с хирургический тампон), тех, что белеют на кустиках, — иной хозяин и полдня не хватил бы. А ведь перед хлопкоробами задача посложнее: их «одежда» под стать бесценным полям. Да и урожай на них все богаче. Нине, в завершающем году пятилетия, узбекская хлопковая кипень из практически невесомых волокон будет весить не менее 5 миллионов 350 тысяч тонн. А то и больше... За пятилетку урожай «белого

золота» в республике потяжелел почти на миллион тонн!

Откуда столь ошутимый прирост Мастера говорят: главная прибавка, конечно же, от искусства выращивать эту культуру, но много дат и возросшее умение убирать ее. Аккуратно, чтобы ни одна долька не ушла снова в землю. По-быстрей, с массированным применением техники, чтоб осеннее ненастье не превратило «белую пушинку в серую пылинку». Присказку эту не знают у других районов страны. Она из невеселого юмора хлопкоробов. Ее произносит с нервною усмешкой после того,

**Рисалат Айнаулова.
Фото В. Сварчинского.**

как сделано все, что в силах человеческого, а урожай азиат не сполна.

В эти дни, в разгар страды, хлопкоробы, ссуты на слово. Задешь пространный вопрос — а ответ — «да», «нет», в лучшем случае — анкетный расклад «о себях, но непременно хоть два слова о том, что считается личным вкладом в общее дело.

Едем на один из передовых (читай: горькинский) участков страды, в Галабинский район Ташкентской области, неспро-

ста получивший свое имя от узбекского слова «галаба», то есть «победа». Тут-то и узнаем об одном поучительном, можно сказать, изначальном условии успеха. Секретарь райкома партии Абдулхамид Сандокджиев предложил побывать в хозяйстве, руководители и специалисты которого еще до сева (1) разработали детальный план обеспечения успешной уборки урожая 1980 года.

— Решением бюро райкома этот план был тогда же одобрен и рекомендован другим хозяйствам как образец, — подчеркивает он и не без удовольствия отмечает: — Колхоз этого года наш район, только имя его звучит по-русски — «Победа».

— Имя обязывает. Чувствуем это и мы, в райкоме, — смеется Абдулхамид Сандокджиев. — Знаете, оно помогает в соревновании с соседями! Колхоз же под предводительством Нина Иванова Пака почти два десятилетия пользуется этим моральным стимулом. Хозяйство поднималось на быстрой цепочке перепроходческих предпринимательских и смелых в решениях вошли в привычку. Что ж, привычка оказалась продуктивной: 23 сентября — первыми в области! — хлопкоробы «Победы» выполнили свое годовое задание. Более того, еще в прошлом сезоне завершили они достую пятiletку и ныне ведут продажу хлопка-сырца в счет одиннадцатой. Из беседы с председателем выясним и такое существенное дополнение:

— После недавнего выступления Леонида Ильича Брежнева в Алма-Ате решили повысить свое обязательство по хлопку с сорока восьми до пятидесяти центнеров на кандод гектаре, — заявил Николай Иванович Пака. — Это наш подарок XXVI съезду КПСС. Вполне реальная цифра, если постараться от всех души, — подчеркнул он. — А люди у нас как раз этим отличаются. Побывайте на полях, побеседуйте с ребятами...

Насчет «являть не огорока: как у штурвалом «голубых кораблей» здесь немало молодежи, хотя любовь и столица республик, и промышленный Алмакит, и другие города, где для юношей и девушек с аттестатом зрелости столбец возможностей. По местной статистике, восьмидесяти процентов выпускников школы остается работать в колхозе, двадцать уезжает в город продолжать учебу. И опять особенность: большинство сту-

дентов, окончив техникум или институт, возвращаются домой — работать в родном хозяйстве... Чем же оно привлекает?

Для беседы останавливаем выбор на девушке в джинсах и безрукавке — механике-водителе хлопкоуборочной машины. Выгружа из бункера хлопок в тележку, она спустилась со штурвалом «мостика на землю размяться, пока работники промывают шпидерли посеребрившего от пыли «голубого корабля».

— Рисалат Айнаулова, — назвала себя девушка.

Вот ее коротенький рассказ: — Двадцать один год. После десятилетия окончила курсы шоферов-профессионалов, затем курсы механиков-водителей. В этом году перешла на третий курс заочного отделения Ташкентского пединститута имени Низами... В честь XXVI съезда партии взяла обязательство — собрать не меньше ста десяти тонн хлопка. В августе, перед самой уборкой, меня приняли в члены КПСС. Так что слово сдержжу! Кажется, все!

— А после рабочего дня у вас не скучно?

— О, жизнь у нас бьет ключом. Мы вот с нашим вокально-инструментальным ансамблем даже в Ташкенте выступали! Футболисты третий год первое место в районе держат, в этом году вышли мы на первое место и по баскетболу. Работают секции бокса, волейбола, настольного тенниса...

— Что вы лично делаете в ансамбле?

— Публике объявляю так: — настроившись на артистический лад, как бы пародирова конференсы, Рисалат произнесла: — «Выступай Рисалат Айнаулова — солистка эстрадно-вокального ансамбля «Ок кано», что в переводе значит «белые крылья»!

Откуда такое название? — Поднимитесь на штурвалом «голубых кораблей» и посмотрите сверху на созревшее хлопковое поле, — предложила Рисалат. — Чем не лебяжий крылья?

Так мы увидели обычное трудовое поле глазами крылатого человека и гонимы, почему здешнее поля из года в год становятся опслепительно белыми, и оперение их быстрее кулеветов на зарплату, под брезентовое покрывало.

**БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ
ВЫСАЛЮТ**

НИКОЛАЙ НЕВРЕВ

1899 год... Над крышами висел легкий морозный туман. Дым из труб заволакивал золотые купола и темные кресты храмов Замоскворечья. На Орднике завоинили к ранней обедне, и скоро во все зашторенные окна, закрытые двери полил звенящий, настойчивый гул. День уже начался — обычный, суетный, беспокойный. Вроде бы праздник — сочельник, да только нет в нем той светлой радости, как бывало в юности.

Известный московский живописец Николай Васильевич Неврев подлился в дурном расположении духа. Тихое морозное утро не веселило его, праздник был совсем неким, а уж сегодняшние именины, которые он, как обычно, справлял в сочельник, представлялись ему чем-то тягостно лишним, убийственно скучным. Фортуна не проявила особого участия к судьбе купеческого сына Николая Неврева, оставшегося в 1835 году после смерти отца сиротой пяти лет. Он был отдан в Училище московского купеческого общества, но не замедлив в скором времени оставить его, поскольку был вынужден зарабатывать на жизнь переплеткой бумаг, так как, рассказывал он в старости приятелю-коллекционеру Цветкову, «в доме часто не было буквально ни крошки хлеба, случалось ложиться спать голодным, сидеть вечерами в потемках без огня, ибо не на что было купить саломасу свечу; раз в Светлое воспринимали за столom имели одну курицу...».

Дома не было хлеба, а он, как и положено истинному художнику, мечтал о рисовании. Николай родился живописцем, и потому пространство чистого листа в бытность его переписчиком мучило юношу желанием заполнить пустой лист изображениями людей, их лиц, характеров. В двадцать один год попал он в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, представлявшее в то время весьма любопытное учебное заведение. Преподаватель исторической живописи, инспектор училища М. И. Скотти, сам не написавший ни одной исторической картины, был между тем постоянно многозначителен. Он проходил по классу подобно Юпитеру-громоверзцу, удостоивая иногда любимых учеников, среди которых был и Неврев, ценнейшими замечаниями, вроде: «Убавь носу!.. Подними глаза!»

Преподаватель портретной живописи А. Н. Мокрицкий в продолжение всей своей художественной деятельности прожил на свет не более пяти портретов. Но уверенность в причастности к прекрасному миру искусства не покидала его никогда. Он причесывался и одевался «à la Броуно», любимой его фразой был: «Поклонник Карла Павловича Брюллова говорил: «Кто пишет так бесцельно и вяло, тому бы лучше не родиться на свет божий».

В бесцельности и вялости Николая Неврева, конечно, никто не упрекал — он был в числе лучших учеников, но в его творческом росте училище почти не сыграло никакой роли. Он ушел из него, не окончив курса учения.

В 1855 году, двадцати пяти лет, Неврев получает завине свободного художника и поощщает себя портретной живописью. Вскоре он так преуспевает, что его имя называют в числе лучших портретистов, ставят сразу вслед за Заряиным, считавшимся тогда в Москве первым мастером этого искусства.

Работы молодого Неврева не из тех, что «сшиты по мерке, дабы порадовать злус заказчика». Он пишет «Неизвестного с чубуком», «Портрет женщины с кошкой», «Автопортрет», обнаруживая незаурядное мастерство и подлинный талант художника-психолога. П. М. Третьяков заказывает ему для галереи портрет М. С. Щепкина — великого русского актера.

Это одно из лучших полотен Неврева. Оно завершает живоисторическую выходящую мастера сцену, строгим, уверенным, точным рисунком.

Как сообщает первый биограф живописца профессор А. В. Прахов, его успехи в области портрета были так велики, что «петербургские власти» хотели даже наградить Неврева, не имевшего законченного художественного образования, званием академика, но в связи с введением академией художеств нового устава он это звание тогда не получил.

И в тот момент, когда, казалось бы, все так ясно и определенно в судьбе и будущем представляется лучезарной и благополучной, Неврев бросает портретную живопись и обращается к жанровой. Почему?

Да потому, что талант его был чудотворно-чрезвычайно, что художник принадлежал «к той школе, которая первым условием художественного достоинства поставила искренность и наивность, которая объявляла, что искусство меряется жизнью, что как в жизни, так и в искусстве первое и лучшее есть правда».

Между тем, то было время, когда правда в искусстве с трудом пробивала себе дорогу. На выпускном экзамене в академии художеств экзаменаторы рекомендовали такую «наисовременнейшую» тему: «Харон, перевозивший души через Стикс».

Прогрессивная печать негодовала: «Доколе фарфоровая размазня японского чайника будет выдаваться за художественный идеал? Другая газета кроншпринговала: «По нашему же мнению, и эта грация кисти, и эта смелость кисти, и все остальные прелести гроша медного не стоят, если их употребляют для того, чтобы нарисовать, как: Антон козу водит, Антон погоняет, Антон хорошеющий, Антон пригожеющий и т. п.».

Упрямаясь в написании девушек в sarafанах и повойниках придворные живописцы уже оскомину набили своимо маскардашными героями. Глядя на эти картины и статуи, мудрено было догадаться без подпояс и ярлычков, что это писали русские и в России... — восклицал с горечью Сасов.

Рядом с реализмом, во выражении знаменитого критика, «выросла потребность национальности». Возникла необходимость осмысленного русского жанра.

Это потом о Невреве напишут, что он, «след за основоположником критического реализма в живописи великим Федотовым, в числе художников-шестидесятников «подготовил знаменитый бунт четырнадцатого, открыл дорогу деятельности передвижников». Суховатые эти слова не раскрывают главного — того, что искренность и доброта были основой таланта художника. Потому и ушел он от портрета, что в жанре видел нескончаемые возможности. Жанр запечатлевал простого живого человека с его радостью и страданием. Чаще со страданием. Как писали в статье о Невреве «Художественные новости»: «Мы не можем не страдать сожаления о том, что вообще наши живописцы... с каким-то странным постоянством прилегают свои знания и талант к воспроизведению только одной темных и грустных явлений...».

Он пишет «Панихиду на сельском кладбище», которая сразу обращает на себя внимание не только публики, но и цензурой. Были немедленно приняты меры, чтобы эта картина не показывалась на выставках, не воспроизводилась в журналах.

Первые шаги в жанре слились отлитались от первых шагов в портретной живописи. Но пошлой благонамеренностью Николай Васильевич никогда не отличался. Он хотел писать то, что видел, и никто, наверное, не смог бы остановить его на этом пути. Великий русский художник Венецианов сказал о себе: «Как видел, так и изображал, а не мудр, сидя перед натурой». Неврев мог бы повторить эти слова.

Он выставляет в 1866 году картину «Протодажон, провозглашающий на купеческих именинах многолетие». Отзыв в журнале «Телескоп» гласит: «Картина, великолепнейшая по краскам, замечательная и по разнообразию типов, заинтересовала всех, была представлена на конкурс Общества поощрения художников, но не была допущена «за сюжет».

А сюжет из тех, что Николаю Невреву, выросшему среди купеческих, были известны привычно. Потому, может быть, так сочно выписаны главные герои — и протодажон, и купец-именинник. А впрочем, только ли главный! Каждый образ, каждая деталь так конкретны и точны, что узнаваемость своей поднимаются до высоты обобщения. Написанная почти в центре картины броская, неправдоподобная в своей промозглости фигура протодажона, орущего во всю свою луже-ную глотку «Многая лета», его скатые от напряжения кулаки вызывая бурное доверие именинника, восхищение гостей, подкупавшие-щих многолетие...

Н. Непрев, 1830—1904. ТОРГ, 1866.

Н. Неврев, ДЕД ВАСИЛИЙ. 1858.

1866 год. Неврева создает свой шедевр — «Торги»...

Почему выбрал такую тему? Умкнулся его душа противостоятельным. Возможно, и поэтому. А точнее, наверное, потому, что недуги времени отозвались в его душе болонью. Правда, некоторые критики тогда объясняли все просто: «наклонностью художника углубляться в мрачные стороны жизни... его пристрастием к музе скорби и страдания». Как бы то ни было, «Торги» оценили сразу же, присудили первую премию в Обществе любителей художеств. И в числе лучших московских картин она была прислана в Петербургскую академию для отправки на Венскую выставку. Но туда она не попала, ибо «оказалась неудобною в отношении содержания».

Картина страшно своей тишиной. Наверное, рисунки самые жестокие, самые кровавые, извращения человека человеком, художник никогда не смог бы вызвать того чувства ужаса, что возникает при взгляде на картину. Беспощадность этого холста прежде всего в точности. Все именно так, как было: светлый кабинет, прекрасные уличные книги лежат на столах и полках. Уютный кот греется у печки. За столом беседуют приятели. Хозяин дома, удобно устроившись в кресле, с безразличной миной покатывает головой. Его гость, залпавший, лысый, со складками лица на подбородке, развалился в кресле. Он угораздило приятеля угостить подшею. Ну что ему стоить? Но хозяин не уступает... Ужас происходящего для Неврева очевиден... Пусть о чем-то говорят между собой эти «культурные» бары, но их не слышно. Сейчас в этом доме, в этом мире происходит дивное невероятное в своей чудовищности: продают то, что всегда ставилось превыше всего, что всегда было вершиной творения, — продают, что в о в а ч е с к о ю д у ш у.

Приди в недоумение, зритель! Умкнулся в себя со своим так было все лишь пять лет назад. Была! — кричит тихий художник.

«Посмотришь единую секунду на эту картину, и русская история теснится тебе в душу: долгие столетия и бесчисленные поколения, заученные, не отомощенные и поруганные, пронеслись перед воображением», писал Стасов.

Дарование художника часто вызывало в памяти имена Гоголя, Островского. Особенность, необычность его таланта живописца-драматурга в тщательности к точности детали. Детали глубокой, раскрывающей самую суть изображенного.

Чего стоит один портрет Мирабо — деятеля французской революции, — висящий над головой хозяина. А хозяин-то либерал! Из тех либералов, о которых Денис Давыдов писал: «А глядящих, наш Мирабо старого Гаврило за измятое жабо хлещет а ус да рыло».

Этот нарядившийся в одомашненную окраску человека потасканный филлистер и его приятель словно расставлены.

Время, запечатленное на холсте, остановилось. Прочел целый век, и трагедия стала историей.

Время того, чтобы написать «Торги», предвосхищавший критический реализм передвижников, художник недостаточно был одной лишь техникой, хотя по соразмерности, завершенности это небольшое густо-селенное полотно можно отнести к жемчужинам русской школы. Никто не было прозрением...

Потом, всякого долготу жизни, ему будут напоминать об этом полотно, мерить ми же, что он написал.

Но так уж сложилось, что самый злет его дарования — честного, доброго — пришелся на тяжелейшие в России времена. Закрылись передовые газеты и журналы, апатия овладела лучшими умами. Все надежды на ясную, новую жизнь, казалось, угасли. Это страшное время появилось на впечатлительную натуру Неврева, — замучившая ополучно. И художник растерялся. Его талант был раздавлен тязжиком прессы, официальной критики, академических традиций.

Он много работал после в жанре, в портрете, в исторической живописи — искал и не мог найти себя. Подобное произошло ранее с великим Федотовым, который был буквально растоптан николаевским режимом.

Внешне жизнь Неврева была вполне сносной, даже благополучной. Его пригласили преподавать в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, проработав совсем немного, он ушел оттуда. После смерти его близкого друга П. М. Тихонова художнику предложили пост директора галереи. Но Николай Васильевич отказался — замучившая на старость. Ему присвоили звание академика. Но ничто уже не могло придать уверенности в себе — ни звания, ни признание его прошлых заслуг.

Потому что тязжик и непраздничные казались ему собственные именины. В морозный вечер кенуна нового, двадцатого столетия старый живописец думал о том, как страшно и тяжело пережить свой собственный успех. А потом доживать. Доживать почти треть века, чтобы вернуть творца, аороще прежние сюжеты, наблюдения, размышления.

Понимая беспомощность полноты, он вновь и вновь возвращался к испытанным темам, порой никак уверяя себя в их современности. И Невреву ни разу не удалось достичь прежней силы проникновения в суть своего времени. Картины, созданные в поздние годы жизни на исторические сюжеты, академичны и банальны. «Торги» — жемчужина русской школы. И мы сегодня, разглядывая холст, находим в нем все былое поразжающее нас детали, углубляющие, заостряющие первое впечатление. В этой глубине, многоголосности, многоплановости картины мы будто ощущаем предание тех мрачных отголосков в искусстве критического реализма, которые сделали в дальнейшем передвижников более поздних лет.

В 1904 году «Правительственные вестники» напечатал некролог: «...и имени. Лысова, близ станции Толочин Московско-Брестской железной дороги скончался академик Н. В. Неврева. Это сообщение поместили многие журналы России.

«Прошло же пятьдесят лет со дня рождения замечательного русского живописца. Его имя занимает достойное место в ряду классиков реалистической школы нашей живописи.

...Какими бы теплыми мы ни развивали энергетикку, сбережение тепла и энергии и впредь будет важнейшей общегосударственной задачей... На экономии топлива и энергии должны быть нацелены усилия каждого коллектива, каждого труженика.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из речи на ноябрьском (1979 г.) пленуме ЦК КПСС

ЕЛЕ ГРАЗ ТЕПЛЕ

Сергей МАРКОВ

же кран, который «не для того поставлен! Кто не задавался вопросом, для чего же он все-таки поставлен?»

Но хватит риторических вопро-

Разве еще один, последний; кто не удивлялся тому факту, что температура в крупных городах всегда на 2–3 градуса выше, чем в пригороде! Полюбки, подгрудас градус компетентные люди объясняют защищенностью городов от ветра, неизбежными выделениями тепла заводами, фабриками, автомобилями... А остальное откуда?

— Больше десяти министерств и ведомств хотели бы получить на этот вопрос ответ, — говорят директор ЦНИИЭП инженерного оборудования И. Ю. Рубаки и заместитель директора по науке Академии коммунального хозяйства М. В. Тарниченко. — Давайте объединим наши усилия с заводскими лабораториями, академическими, инженерными Центрального научно-исследовательского и проектно-экспериментального института инженерного оборудования и попробуем разобраться.

Начнем с магистральных сетей, с труб, по которым в наши дома идет горячая вода для нагревания батарей и водопроводной разводки. И. Ю. Рубаки, где и кто ворует у нас драгоценное тепло. Главный вор — плохая изоляция. Чаще всего трубы лежат просто в воде, — она и забирает часть тепла и постепенно разведает изоляцию и сами трубы. Коррозия — причина восьмидесяти процентов аварий в магистральных сетях. Особенно в больших городах, где протяженность их достигает многих десятков километров.

Отступление первое

Лет пятьдесят назад были разработаны новые коллекторы для прокладки сетей — сунки, позволяющие сохранять изоляцию, облегчающие ремонт и обслуживание.

Начну, как в старину, от печки. От обыкновенной русской печки. Помню, приехала к нам гостить бабушка из сибирского села. Все удобства городской квартиры ей страшно нравились, особенно ванна с горячей водой. Одного лишь она так и не поняла: как можно, когда кто-то где-то топил, распахивать балконную дверь и окна! «Деньги горят, труд человеческий!», — стыдила она нас: «так ведь жарко, бабушка...» «Вуду у вас своя печка, сами запасались бы дровами, нам зиму — и думать бы забыли про этот ваш балкон! Не по-хозяйски все это! Виданное ли дело, небо согреть!»

Что могли мы ей ответить? Мол, не из нашего кармана горит! Так ведь бабушка в числе первых колхозов в Сибири создавала, шутки толком не понимала. Взяла бы в руки атенник или тряпку, половую, которая как раз за дверью лежала, и недоворать бы нам тогда. А кто из нас, городских жителей, зимой в отеплевый сезон, когда комнатные батареи вдруг словно с цепи срываются и начинают раскаляться, — кто не распахивал окно? Кто не пытался утихомирить батареи с помощью крапов, или, наоборот, в сильные морозы кто не пытался хоть чуточку прибавить тепла, и кто не убеждался в наивности своей политики, вытравля огромную лужу воды на полу? Кто не слышал вслепую «авторитетного» мнения слесаря-водопроводчика насчет анкальдов, стремления каждого квартиро-владельца потрогать все краны, да-

ТЕАТРИЗМ

ПРЕДСЕДЫЮЩИЕ РАЗДУМЬЯ

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

В нынешнем году Малый театр начал свой 157-й сезон. Завоевал ли эта почтенная цифра сцену Малого театра — среди других творческих коллективов страны — ветераном, «долгожителем»? Чувствуется ли груз времени на его сегодняшних сценических создателях? Как художнику следует относиться к проблеме: время и актер, время и герой? Болпоса подобного рода возникает иногда у зрителей. Но ведь ветеран буквально означает: старей воин... Пугаться столь высокого звания, думаю, нет ни малейшей надобности. Напротив! В России не так уж мало театров, имеющих подобную же долголетнюю историю. И все они сегодня молоды духом, продолжают жить полноценной творческой жизнью, создают спектакли, сохраняя собственные устремления, собственное лицо. Перечислять не буду, но прежде еще назову театр имени Волкова в Ярославле, затем бывший Александринский, ныне имени А. С. Пушкина (кстати, созданный в Петербурге Волковым же); и Малый в Москве — любимое детище Щепкина, Островского, Ленского, Юнгана и всей прогрессивной русской интеллигенции. Недаром в ту давнюю пору переводые люди России дали Малому театру славу и очень точное прозвание: «Второй университет» — основанное на его гуманной, просветительской деятельности.

В первые дни победы пролетариата, когда кругом шло бурное размежевание сил художественной интеллигенции, когда да-

леко не каждый грамотный, а тем более творческий человек, художник, считал для себя возможным присоединиться к «возрастающей черни», — группа Малого театра именно в ноябре 1917 года приняла весьма знаменательную резолюцию. В ней говорилось: «Деятельность Малого театра как учреждения, служащего вечным задачам всеобщего просвещения и художественной культуры, должна продолжаться без зависимости от переворотов политического характера и смен государственной власти...»

Конечно, тут медлить строк и при желании можно усмотреть как бы позицию некоей нейтралитета, что ли, — некую независимость отдельных актеров, отставившую от происхождений переворотов. Но по самому существу этического, морального, отношения всего коллектива к происшедшему перевороту, — а именно это особенно важно заметить! — театр декларировал во всеуслышание свою постоянную и неизменную верность задачам всеобщего просвещения, — готовность продолжать для народа свою благородную труд.

Именно задачей высокой морали, духовности, просвещения народа посвящали себя, свои сценические создания Ленский, Юнгана и все их соратники — Ерилово, Садовский, Турчинова, Яблонская, Пашенная и другие известнейшие артисты России. Выхода на сцену Малого театра, они несли в образах героев, и прежде всего в русской и мировой классике, опята-таки в пьесах Грибоедова, Островского, Гоголя, мудрость народа, его достоинство, нравственную красоту.

Всегдашнее расширение этой важнейшей просветительской деятельности — вот что становилось главнейшим долгом театра. Проявлялись, будучи насущной необходимостью для народа, который доселе обречен был жить в темноте, становились первейшей обязанностью Искусства. Причем очень важно, что молодое Советское государство, вынужденное в условиях гражданской войны решать множество возникших труднейших проблем, не забывая и о задачах утверждения искусства подлинного, культуры истинной. Совет Народных Комиссаров уже в августе 1919 года принимает декрет «Об объединении театральной деятельности, где снова указывается на необходимость приближения театрального искусства к народным массам и их социалистическому идеалу, без нарушения художественной ценности театран.

Декрет был необходим и потому, что культуру прошлого кое-кто

пытался отбросить как «отжившую». Вокруг этого и шла борьба. Но театр выступил. Достаточно назвать спектакли Малого тех лет, чтобы убедиться: сохраняя свою благородную веру и народ, а душевную восприимчивость народа, театр дарил этим людям, впервые пришедшим в театр людям все лучшее из того, что имел! Нес классику без всякой близости, что его не поймут. И ведь так оно и было! В холодном, далеко не всегда наполненном зале сидели солдаты в шинелях, женщины в шубейках и валенках, и зрания дыхание смотрели на героев пьес «Шутники» Островского, «Горы от ума» Грибоедова, «Венецианский купец» Шекспира, «Старик» Горького. Таков был репертуар самых первых лет революции. Кстати, о «Старике» хочется сказать особо. Он был поставлен в том же 1919 году.

Алексей Максимович Горький сам пожелал отдать пьесу труппе Малого театра, и она отнеслась к своей творческой задаче с огромным интересом. Заглавленную роль Старика играл С. А. Голосинник, девицу Марини — В. Н. Пашенная. Из ее воспоминаний известно, что этот новый спектакль Малого театра смотрели В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Неудивительно, что Владимир Ильич весьма сурово отнесся к предложению одного из работников Малого Союзартема зашить Малый и Большой театры в Москву по причине нехватки топлива. Основной претензией было то, что якобы «проярмившие театральные печи наносят ущерб республике, будучи при этом не так уж экономны». Владимир Ильич не только не согласился с подобным предложением, но при этом еще и отменил «наивное представление о роли и назначении театров больше не было и речи».

Владимир Ильич не принял и предложения изменить репертуар, то есть исключить по возможности «старые» пьесы и дать новые. Известно, что Владимир Ильич вообще считал необходимым беречь старую культуру, всячески охранять классику. Но, кроме того, подобные предложения в те годы были всегди лишь пустым проектом, против которого В. И. Ленин выступил особенно непримиримо. Ведь новый пьес попросту не было. И в том же 1919 году Всероссийский съезд по рабоче-крестьянскому театру принял резолюцию, которую хочется назвать прямо-таки исторической благодаря ее прогрессивному значению. Там было сказано следующее: «Рабоче-крестьянский театр, как и вся социалистическая культура, является закон-

ным преемником духовного наследия старой культуры, которое он использует для своих целей. Эти слова о духовном наследии и в нынешние дни остаются весьма немаловажными. Особенно если иметь в виду творчество сценической — режиссерской и актерской — труппы этого наследия, отсутствие «модных» интерпретаций, глубокую работу над нравственным, идейным смыслом классической драматургии, — неприятие «новаций», искажающих смысл классики».

Подлинная культура имеет ту главную и постоянную особенность, что она сама по себе остается вечно молодой. Не переделается, но пронизывается, и, чем глубже, тем лучше.

Отмечу, кстати, что детство революции, детство того же необыкновенного 1919 года был совсем уж новый театр! Большой Драматический, появившийся в Петрограде при участии Горького, Блока, Андреевой, Луначарского... И тут актеры тоже играли народ в первые времена, ведь не мне, как пьесы Шекспира и Шиллера, русскую классику... Мне дорого, что там стояли и мои первые актерские шаги, мои актерские «прорывы». С тех пор и до нынешних дней мне особенно близки образы шекспировского «Король Лира», грибоедовского «Горы от ума», — близки и дороги, как всякое начало... И, конечно, по воспоминаниям о той необыкновенной поре жизни, когда да мы учились главному: отдавать себя сцене, творчеству Искусства, без остатка. Этого Искусства нет и быть не может.

Но вернемся к Малому театру. Сама жизнь, конечно, требовала нового, а от таких требований настоящее искусство никогда не отмахивалось! Однако подлинной революционной драме только еще предстояло родиться: серьезных пьес не было. Да практически и ничего не было, за исключением отдельных драматических «детских» более предначинаний для самодельных коллективов.

А ведь Владимир Ильич уже подкидывал художникам главный путь поиска героя — человека революции! Побывав на одной из тогдашних выставок, В. И. Ленин советовал художникам пойти на заводы, увидеть особую красоту этих особых людей, присущие им высокие нравственные качества. «Я всегда люблю этой замечательной стойкостью говорить о мужестве, какой-то особой мужественности, что только вот сейчас вышел из-за машин и станков. Посмотрите, какие умные, хорошие и выразительные люди, какая особая

уверенности, особая твердость взгляда, решимость во что бы то ни стало достигнуть то, за что взыскать...

Замечательные, в полном смысле сегодняшние слова!

В. И. Ленин, будто говоря с театром, нынешним, подчеркивает постоянную необходимость искусства выражать особый, мужественный образ героя, человека нового класса, «первого действия» только пришел создавать новый мир».

Советы и указания Ленина, его прямые требования определили путь становления нового искусства, унылого и серьезного.

Конечно, оно завоевывало себе признание охотно-тактично. Но партия коммунистов-ленинцев тогда годами добивалась подлинной зрелости искусства, черт высокой общественной сознательности и образов героев—большинство людей в «командных кулуарах» комиссаров, чекистов, фронтовиков...

«Любовь Яровая» Тренева стала первенцем настоящей революционной драматургии, как первенцем всей советской революционной сцены.

Это был качественный скачок, обозначивший рождение образа новой жизни. Образы новой исторической общности народа в искусстве. И Малый театр вывел героев на свою трибуну, чтобы их великую силу и красоту увидели все, весь народ... А след за «Любовью Яровой» стали появляться пьесы, безмерно расширявшие горизонты театра... Леонов, Тренев, Ромашов, Афиногенов, Гусев, Лавренко, Винаверский, Корнейчук, другие драматурги, писатели братских советских республик представили сценам страны свой волнующий рассказ о жизни народа, истории борьбы о революции, ее вояках и защитниках.

Новая драматургия безмерно расширила самую палитру сценических красок, обогатив ее новыми, ранее неизвестными мыслями и чувствами, подарив театру прекрасную возможность выразить пафос, энтузиазм, подъем человеческой души.

Эта возможность как бы открыла для театров заново даже и самую классику! Углубляясь в нее, стали находить в ней качества и свойства, какие раньше были известны и не полностью были замечены: расширились самые границы творческого воплощения жизни.

Однажды Алексей Максимович Горький рассказывал о своей беседе с В. И. Лениным, в которой сам отставал от необходимости одной только героики для нового зрелища. «А вот Владимир Ильич утверждал, — вспоминался Горький, — что нужна и лирика, нужна Чехов, нужна житейская правда».

Как же это важно для искусства нынешнего Театра! всегда нужно слышать все стороны жизни — и сегодняшней и прошлой. Нужны и умные уроки творчества и все духовные богатства человечества: есть гуманистическая содержательность его истории, его нравственного становления. Наверное, не нужны при этом только формалистические изыски, ложное самодовольство интеллигов. Нужна верность патристическим традициям, социалистическому Отечеству, подлинному интернационализму.

Таковы магистральные пути развития Театра. Тут и только тут

видна поступь Времени. Видна взаимосвязь истории и нынешнего дня.

Можно сказать, что именно историческая преемственность отражается по-своему в многообразии и разносторонности нынешнего репертуара Малого театра. Именно к этому стремится наш коллектив.

У нас очень бережно сохраняются в первоначальной редакции автора «Любовь Яровая». Мы играем в героическом плане «Оптимистическую трагедию». Сохраняется «Золотая карета» и многие другие советские пьесы. Но и сегодня мы сохраняем «Горе от ума», «Власть тьмы», «Царь Федор Иоаннович», «Заговор Фески», «Идут павса А. Н. Островского, А. М. Горького... В то же время мы считаем основной задачей показ жизни наших современников, строящих новое общество.

Не очень много сегодняшних пьес — об этом надо сказать прямо. Поэтому наш театр не сторонится инсценировок, с помощью которых богатейшая классика, приоткрытая в ней действительность получают свое новое сценическое воплощение.

«Береги» по роману Ю. Бондарева, «Ивушка» неопубликованная М. Алексеева, наконец, совсем недавняя премьера «Вызов» по роману Г. Маркова «Соль земли» — все эти спектакли, сохраняя верность авторскому замыслу, возникли от того как бы заново, переполняясь на сцене с острым искренним актерским интересом... Театр не ходит и показывает живыми героями-современниками, которые не только могут представить только лишь в своем воображении. Но ведь этого мало: зритель по-хорошему «женат»! А как мысль, воображение зрителя и наблюдателя — в плоти и крови — сценическое создание театра складывают, получают необходимый «язык» равенства, это всегда приносит театру успех. Пресса отнеслась к нашим новым постановкам с таким восторгом, Малого, где оживает истинная народность, где моральные качества народа прочувствованы крупно и мощно.

Спектакль «Вызов» по роману Г. Маркова «Соль земли» театр показал уже под самым концом сезона, и премьера подтвердила высокую гражданственную ориентацию, патристическую устремленность коллектива к проблематическим и образам значительным... Герои «Вызова», живые и достоверные сибиряки, стремятся сделать свой край да и всю страну богатой, уютой, сильной, способной отличать показное, наносное от настоящего, подлинного. В большом интересе отнесся к этому спектаклю зритель.

Сберегая свои творческие традиции, Малый театр добивается тщательного, глубоко художественного воплощения образов. Каждый человек, получающий высокое право называться артистом, есть участник общей большой задачи, выполняемой театром. Ведь самая «должность» артиста гражданского, сама «профессия» вбирает в себя бесконечное множество духовных, моральных понятий. И тем самым обязывает быть образцом служения искусству. Недаром же в прежние времена работу, связанную со сценой, никогда не называли работой: артист говорил: «Служу театру». Не от слова «служу», а от слова «служу».

Васильев отвернулся к окну террасы, освещенному рассеянным солнцем, которое ребристым диском стояло над Большим каналом, а туман уходил по намокнутой набережной, колыхался пером на утренней волне. Уже ярко засияло почти летнее небо и стали видны дальние вершины храмов за каналом, купола музейных дворцов. Но это тихое солнечное утро осенней Венеции, ее каналы, ее погожая синева, радостно затеплившись купола ады — все вдруг показалось ему неверным по сравнению с тем прекрасным и печальным, ушедшим в невозвратные годы, в лучшее пору голубиты и веселых утр их жизни, когда он и Илья бездельно верили непонятным законам заморского товарищества. И было тем горше, что прошлое окрашивалось сладостной дымкой их детства, их юности, куда не раз возвращался Васильев в последние годы, думая о собственной судьбе. Что ж, он был признан, обласкан, известен, не стеснен в деньгах, поэтому привык не лицемерить и не оправдывать лживо свои поступки и такими образом защищаясь от сложностей жизни. И, мучаясь двусмысленностью положения после слов Ильи «помогите, если ты мне веришь», он с отвращением к себе подумал, что вот здесь оба они подошли к бездну и в ней через минуту стнет юное, неприкосновенное, святое, их общее, которое так необходимо было им в прошлом, а навсегда минувшем времени.

— У тебя семья? — спросил Васильев после долгого молчания. — Жена? Дети?

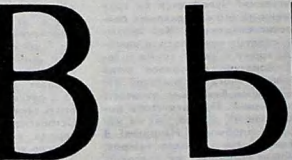
— Я вдовец. Был женат на немке. У меня взрослый сын Рудольф. Он работает в Мюнхене. После смерти жены я девять лет живу под Римом. Здесь спокойнее, меньше русских.

— Что я могу? Чем я могу тебе помочь? — выговорил Васильев с тем же ощущением дохнувшего бездонного провала. — Чем, Илья?

— Я хочу обратиться в Советское посольство в Риме, — сказал Илья хмурясь. — Помоги мне лишь об одном: при встрече с послом рассказывать, что знаешь обо мне. Больше ни о чем. За меня ты поручиться абсолютно не можешь. Он стукнул зажатой ко столу, провед черту на картоне. — Что было, когда-то между нами, то барьером, порою! Жаль, но ничего не поделаешь!..

Юрий
БОНДАРЕВ
РОМАН

Рисунок
П. ПИНСКЕВИЧА

Он начертил зажатой авторю границу на скатерти, и эти два проведенные ряды, — вроде бы отскочил, окончательно отразил их друг от друга, и Васильев сказал внешне спокойно:

— Вероятно, я увижу посла перед отъездом. Только вот что я хотел спросить. Он не договорил, потому что Илья, быстро выпрямляясь, встал из-за стола с напряжением, заставив пугующий на подяжке, и Васильев сейчас же увидел сквозь широкую арку двери Марию, которая окончательно отразил на террасу шла на террасу в почтительном сопровождении метрдотеля, изображающего приятную покорность наклонной головы. А Илья, податливый, выпрямленный, стоял, не поднимая с матового-синего уходящего лица ласкового внимания, стоял до тех пор, пока Мария, легонько улыбаясь, не подошла к столу, и только тогда он не без подчеркнутую предупредительности, отодвинув свободный стул, пригласил ее сесть; она кивнула обоня, села со словами:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—41.

ко стучал, тихонько открывал двери и, бесшумно входя в мастерскую, делал осторожный шаг вперед, затем шаг назад, как бы выжидая, затем шаг еще вперед, и затем переступал порог, стеснительно, проворно, пощипывая голосом одну и ту же фразу: «Добрый день, можно к вам? Простите, Владимир Алексеевич, вы на меня не обижаетесь?»

Этот изысканный тоник возле порога был даже замечен Васильевым, и он, отойдя от порога, с удивленной странности милото, талантливого, одиозного художника, который нравился ему застенчивой немногословностью суждений и тонкой простотой. По обыкновению Ахаткин внимательно осматривал мастерскую, в задумчивости кончиком пальца касаясь подбородка, сконфуженно выглядывая на палитру, на холст и, замерев, боролся в потрескивании: «Какой сияющий колорит», Владимир Алексеевич. Вы позавидовали бы и Эдвар Мане. Он был влюблен в манеру и стиль Васильева, не пропускал ни одной его выставки, являясь преданным поклонником, готовый смотреть его работы часами. А когда Васильев однажды возразил в полуплутовку, что Эдвар Мане, несмотря на звонкие тона даже знаменитой «Олимпии», надо считать скорее салонным художником, чем отцом современной западной живописи, Ахаткин глотнул на него, восторженно, не произнес ни слова и тут же боком заковылял, зашепеляв к двери, испуганно оглядываясь, как если бы здесь хотели побить его. После этого Васильев в его присутствии перестал высказывать свое отношение к прославленному французу, но вступать в спор по поводу кумиров и учителей по меньшей мере неблагоприятно. Тем более ему приятен был безобидный Ахаткин, неприспособленный к спорам, ни к злоб, зависти, к его ненадежным визитам в мастерскую, с его восторженными, бескорыстными поклонением светонасыщенным краскам и живописи вообще, которую он ставил выше самой действительности и выше собственной жизни.

Вечером под предводительством художника Колицина приезжал скопом человек шесть, знакомых и незнакомых, знакомые авваливались беззастенчиво и шумно (актеры, писатели, редакторы), вносили теблестящие рестораны, возбуждая, незнакомые же, жаждущие посмотреть Васильева, стесненно топтались на пороге, точно в чужом храме, а Колицин, щеголеватый, с лыжиной гривой серебристых волос, обобравший Васильева, в ширинке, с розовым бархатом, не соответствующий его сохраненной юношеской стройности, что придется, несмотря ни на что, некоторые вещи приоткрыть интересующемуся народу, который должен был отечественные таланты, и тогда надо было демократично показывать картины, снимать с полок, ставить на мольберт, потом к стене, потом одну на другую, в конце концов загромождая всю мастерскую. И гости, загнанные в лицевую комнату, восторгались художника, прося и требовали самых ранних его работ, проследивших, которыми он еще в Суриковском, еще донашиная артиллерийскую шинельку, звал к себе—замосковорение перушки, затеяние лирических разговоров, туманных; тулукис с сугробами около заборов; метель, пыльной парек вблиз трамвайной остановки, черная очередь, залепленная снегом; вечерние огоньки в тихих дворах, заросших липами; залепленные полуночные мосты через Канаву, мотающиеся на ветру фонари ночной набережной...

Ранние работы, напоенные и переполненные настроением, но, как многим само Васильеву, лишённые глубокой мысли, дерзости, творческой смелости, так или иначе, вызвали неподдельный интерес Колицина. Он подолгу стоял перед ними, скрепящая руки на груди, отходил от картины и подходил к картине, вздымая брови, его одурачивали, разозлили горячими румянцем, в треугольнике, как у старого льва, глаза появлялись стонящие алжанджиски, однако ни похвального, ни хулительного слова он не молвил, только нековерно заключил: непреодолимое. Не молодость любования. Фразу эту можно было воспринимать неоднозначно, по желанию, но Васильев предполагал, что ранние его работы немилы образом, символами, вызвали неудовольствие с Колицина, сближаясь обоник и переносили в ту обещающую пору молодости, когда все в общем-то были равны перед будущим

и никто всерьез не думал ни о выставках, ни о славе, ни о продаже музеем картин. Удостоенный высоких званий, занимая высокую должность и доминанта, Колицин знал жажду похвалы, хотя в его искусствоведческой книге о проследованном поколении художников Васильев без любования прочитал о себе, что он заметный представитель эстетической школы, и в конце пятидесятых годов, что опыт живописцев этого сурового направления хочет видеть жизнь такую, какая она есть, ничего не смягчая, не приукрашивая, и именно здесь его достоинства и недостатки. Тогда Васильев еще не утратил тщеславный интерес к тому, что писали о нем, и броское определение фронтального поколения—представителя жесткого стиля—показалось довольно лестным, ибо надоевшие, как он считал, «академизм» и умиление в искусстве противили ему.

Они вместе учились в Суриковском, и длительное время делало их близкими знакомыми, что позволяло Колицину, живописцу, профессору, доктору искусствоведческих наук, председателю иностранной комиссии, часто заезжать в мастерскую не только по делам личным, но и по делам зарубежным. Иногда Колицин, в комиссии, не гостил, а Васильев принимал иностранцев, и показ картин заканчивался русским гостеприимством, иностранцы, хмельные, возбужденные, раскисались глубокой ночью и со смехом, восклицаниями, побуждая Васильева, прохаживались возле лифта, по инстинкту, извивались, а Васильев потом прибывал в мастерскую, испытывая опустошенность, уризеяние совести после столь щедрого расхода нервных клеток и драгоценных, растраченных бездумно часов.

В связи с последними событиями в его жизни—выставки, убийств, лауреатство, избрание в Академию художеств—двери его мастерской уже вовсе не закрывались, наоборот, в последние годы, когда Колицин, по-прежнему стали заходить и в рабочие дни подчас совсем незнакомые люди, приносили и ранние и запоздалые поздравления, иные записки, иные просящие денег, выставляли, разбрасывая, не безобидный восторг, оставались к обеду, и целый день опрыскивался в бесплодную плутовку невозвратно.

Но потом он понял—это лукавство и прикрасы, которые он стыдился, но боялся, что в итоге немедленно отведутся, запереться с от всего мира, как бы уйти грешному в дальний монастырь, перестать дразнить судьбу, ибо обильные праздники слишком затянулись, отговаривая его от всякого рода одержимости которой он считал единственной оправданной формой существования. И Васильев разом решил оборвать все демократические нити, сечь навешенные моты перед порогом в мастерскую и потугаться в монастырское одиночество работы, которая только и способна окупить собственное предназначение на земле.

Он пригласил лифтера вынуть полы в затеянной им мастерской, дабы не думать, отчитываться от духа раздвигания, пусто-порожнего болтовни, тщеславия и успеха, расставил по местам и повернул лицом к стене картины, чтобы создать простор, отступив от порога в автоматическом режиме. Через три дня привел мастерскую в состояние чистой кельи отшельника, вновь вернулся с еще не приходящим душевным облегчением к незаконченной работе—это был портрет профессора Щеглова.

Ночью в мастерской или приезжая очень рано, он записался, не отъезжая на стук и звонки обительных и несколько обескураженных коллег, не подходил к телефону, за исключением условленного сигнала жены и дочери. Он отнес себя к бочкам пощам и, правдивые челоушеские голоса в коридоре вызвали в нем тоскливое бешенство, он ужаснулся напрасно потеряному времени и пролил безмерное честное и искреннее сожаление, что не успел выразить в искусстве, что не успел развлекать души красотой, как сказал его друг Лопатин, шутя, предупреждая его от жажды удач, благосклонного везения и неискренней любви коллег.

И телефон, накатывая ледом, трещал понаглоте, и в коридоре слышался стук, стук, стук и удалялись, стук в дверь раздавался и требовательным напором и вкрадчивым поскрипыванием, Васильев не отвечал, и в этих

звучках чудилась ему взрывающаяся ярость против него и ревность—ему вроде бы не приходило в голову в одиночку и в эту, эту самую в себя, он вроде бы обманул многих, кто хотел видеть его постойно доступным.

Но раз ночью (всю неделю он не выходил из мастерской) его разбудил телефонный звонок. Васильев вскочил, спросил, ничего не соорбжа, зажег ночник над диваном, взглянул на часы: шел первый час ночи. Он боялся поздних, неурочных звонков, порой ошибочных, недобрых, связанных с тем, что он сразу снул трубку и услышал полносонный голос, по-видимому, не очень трезвого Колицина, говорившего с ерничским возбуждением:

—Что, разбудил тебя, бессмертный Гомер современной живописи, ты правду говоришь, да? Тебя достали, наконец, ночью! Ну, знаешь! Тебя достали сейчас потрунде, чем министра или схимника в пещерах. Как прикажешь понять: ушел в подполье, постился в монастыре Или завела горло?

—Послушай, Олег!—проговорил Васильев рассерженно.—Ты на часы посмотри! В это время спят все люди добрые, уважаемый товарищ секретарь...

—Послушай, Олег!—проговорил Васильев рассерженно.—Ты на часы посмотри! В это время спят все люди добрые, уважаемый товарищ секретарь...

—Послушай, Олег!—проговорил Васильев рассерженно.—Ты на часы посмотри! В это время спят все люди добрые, уважаемый товарищ секретарь...

Но так, в автоматической будке вблизи раздвоя дома, в пустынной тишине зимней ночи, повесил трубку, и Васильев, раздраженный, подумал, что Колицин, по обыкновению, возвращаясь из ресторана, не встретил его, а после встречи на аэродроме и ужина с иностранцами и навелеле решил заглянуть в его мастерскую, возразил, что этого не хватает для полноты чувств.

Но Колицин не чувствовал Колицина, разгореченный и против ожидания мрачный, в пыжковой шапке, в растегнутой синтетической шубе, как только переступил порог мастерской, Васильев понял, что он пришел не по причине полноты чувств, а по причине того, что Колицин был Колицин совершенно трезв, неприкрыто бледен, его треугольные глаза мудрого старшего льва, усталые, желто-зеленые, бежали с ошущивающей полнотой мастерской, и Колицин, повернувшись к Васильеву, задержался на мольберте, где нехотя холст накрыт был куском материи, и он спросил с недоверием:

—Что-то мне сказал, что ты работаешь по ночам?

—По ночам я хотел бы спать, чего желаю и тебе.

—Великий Микеланджело работал при свете свечей. И почти до конца. И русские гении, например, Александр Пушкин, творили. Они работали, как котормики, прикованные цепью в мастерской, они работали на бессмертие. Они были обречены на бессмертие. На что обре-

В первую очередь не выпрыгивать из собственного костюма. Без брови неприлично, знаешь ли.

—Неприлично всегда бездарность. В любом костюме, Володя.

Голос его, обладавший глубокой сочностью, порой солидным, порой добродушно синхронизированным оттенками, был сейчас низок и тускл, сдвоенный возбуждением:

—Знаю, Володя, знаю, что слава художника—это темный путь судьбы. А вот, если все же пишешь и успеваешь, что твой личный в живописи останется, потому что умеешь думать красками. Надеешься ведь! Каждый талант надеется, иначе бы он не творил. Так, Володя! Или нет? А что делать тем, у кого хрупкий талант? Жить в муках и бессоннице! Что делать и думать травинке около куста шиповника?

—Растя радишь. Ты об этом хочешь со мной говорить?—сердито спросил Васильев и, чтобы подавить раздражение, притворно зевнул, ажурная.—Не думаешь ли, что дискуссия бессмысленна! Лучше скажи: кого встречал или кого провознал! Садись вот сюда

в кресло. Оно хорошо тем, что девятнадцатого века. Шик прошлого.

Однако Количин не сол в кресло, бархатное, потертое, придавленное, поэтому заманчиво втягивающее в свое буржуазное лоно мягкой глубины. Он обними руками откинул назад густую серебристую гриву, спавшую на воротнике, и, не отнимая гибких, почти женских рук от висков, с тоской впился замутненными глазами в одну из повернутых к стене картин.

— Работал сегодня с утра, устал, вымотался, как дьявол,— заговорил Количин, подавлено.— И ничего не поймал: белый снег, белые деревья, белые дома и синее февральское небо уже с ощущением весны. Белое и синее. И какая-то фиолетовость. Не нашел, не поймал, не схватил! Измучился. Но не схватил февральскую прозрачность и близину иней на солнце. А было вдохновение: полет творческой свободы!..

— О, ты не так громко,— уже откровенно зевнул Васильев.— Куда полет? Ходи по земле—так удобней. А то взлетишь, томком в потолок мастерской врежешься. А ремонт нынче дорог.

— Хочу серьезно спросить тебя, уважаемый метр,— проговорил Количин, зло дергая головой.— У тебя бываю минуты полного бессилия? Когда ничего нет. Бываю минуты, когда ты чувствуешь, что бессиле передать себя в цвете... на холст? Или ты считаешь, у тебя нет такого? Да, у тебя! Прекрасно жить с верой в свою гениальность.

Васильев поморщился, махнул сигаретой. Я никогда ни секунды не сомневался в том, что гениален. Тем более что бывали ми-

нуты, когда была полная уверенность, что я не осел в искусство, а всем ослап осел, вернее не добротный осел, а тень осла. Что тебе еще ответить, Олег, в первом часу ночи! Могу еще добавить, что в живописи невозможно выразить, что делает чувство, когда дремлет разум. Как поступает чувство в таком случае—предмет литературы.

— Намек в мой адрес, Володя?

— В свой, твой и всей живописи. В живописи—две трети бессилия.

— Нет, подожди, Васильев! Я вспомнил сегодня один твой пейзаж,—встрепенулся Количин, по привычке все откидывая обеими руками назад волосы, и заходил около стены, где стояли повернутые картины.—Твой пейзаж весенний—поля, фиолетовый снег в овраге, солнце в лужах на дороге... Где он у тебя? Кажется, здесь, вот здесь. Разреш посмотреть? Я вспомнил его сегодня, и я хотел увидеть... Ты считаешь его удачей? Как ты к нему сам относишься? Как ты?..

И, казалось, не выбирая в ряду картин, он перевернул одну из них в самом углу—весенний пейзаж, написанный Васильевым прошлым годом,—и попытался, отошел на несколько шагов, как-то пьяно начал покачиваться с коблукос на носу, вымученно улыбаясь, а его гибкие женские пальцы сбегались и сплелись за спиной в тесный замочек.

— В общем-то неудача, а какой простенький мотив,—сказал с досадой Васильев.—Непойманное мгновение, мое бессилие перед светом, если хочешь...

— Я не ошибся,—забормотал Количин бредовой скороговоркой.—Угол в твоей весне

выпал. Пустота в углу. А тут, где тени... переходил, надо теплее, теплее... Не-от, ты густо замесил, но здесь ты не попал, не схватил... Я чувствую лопатками—ты промахнулся. Только небо. Вот здесь ты попал—чуждый источник света, истечение весны. А все остальное—неудача, мертвечина, непопадание. Нет, и ты, мастер Васильев, бываешь бессиле, хотя в сто раз талантливее меня, и ты бываешь слабым! Смешно и пошло, а я сегодня думал о твоей неудачной весне, об этом пейзаже!—продолжал он свинцовым голосом презирающего свою искренность человека.—Вообрази, что сегодня я весь день думал о тебе! В конце концов у тебя счастливая судьба в искусстве, но ты не Энри! Не Шедри! И я не очень люблю твои вещи!..

— С какой же стати такой пафос? Для монографии, что ли?

— Не гений Я сегодня подумал, что я наказан, безнадёжен, потерял все, стал чиновником—и от моего таланта нет уже ни крупицы! Спасибо за твой пейзаж—нет, не я один, безумец, кусая локти! Не я один, не я один!..

Его лицо, дрожащее выдавленной улыбкой, было измученным, изматаным, его мутные, воспаленные глаза выражали недуг нервного срыва, близкого отчаянию, такого знакомого Васильеву, такого терзающего а те минуты недобро открывшегося Количина, которого, оказывается, казнила беда сменяющего меланхолию искать острый огонь нескончаемой пытки.

Продолжение следует.

К. БАРИН
Ф. Ф. ТУНКЕЛЯ

**Названия то как хороши — череда-
трава, Иван-да-марья... полын-трава...
Горька, но полезна.**

Тысячи лет травы служат человеку — исправно и надежно служат. За то и прославлены торжественным стихом: «Свойства различных трав я воспеть собираюсь и справедливым счислю». Так начинался лечебник одиннадцатого века. Гипократ, Гален... И, конечно, Авиценна. Три оружия есть у врача: слово, растение, нож... писал он. Да что там давняя давность! Что лекари! Им травы знать и пользоваться по штату положено. Николай Васильевич Гоголь ездил и всюду возил с собой «Книгу всякой всячины или подручную энциклопедию», начатая она альписками, атлантами, бинками. Пригодна от одичавших... Мать и мачеха. Умчалает всякие опухлики... Купена. Щеголихи можно уваром ее худощавые щетки и через то полнеют...».

Заметен вклад русского естествознания в изучение флоры и вызванные полезности и силы растений. А это огромный и пока мало познанный мир. Более 20 тысяч видов растений произрастает на территории нашей страны. Есть предположение, что из них — многие лекарственные. А об остальных сведений нет по одной причине — не изучены эти травы. Российский царский «аптекарский огород» — лишь эпизод в глубокой и большой истории лекарственного зелья, факт зарождения науки, обращается с ним; свидетельством того, что издавна траву то собирали, но и выращивали. Написались эмпирические исследования, накапливались по крупице опыт, шло формирование практики. Славялись подлинные травники, лекари из народа, без которых служили они людям и накопили такой багаж знаний, цены которому нет. Только не все дошло до нашего времени, многое заслонили время и забвение. Жаль, конечно, но потерянного не вернуть, как говорится. Важно сейчас поставить заслон перед потерями нынешними и будущими.

Забвение это началось не случайно, пришло вместе с бурным и неотвратимым, как тогда представлялось, нашествием синтетических лекарственных препаратов: всем казалось, химия избавит нас от злов, да чудотворные мази и таблетки. В общем-то, разоборись, так оно и есть — лекарства из пробирки приносили и приносят пользу неоспоримую, но это вовсе не значит, что должны вытеснить они скромный цветочек ромашки или толочнику, которая так хороша, что и зовется то «обыкновенной». А уж об облепихе или женьшене и разговора нет... Питается человек выращивать их на делянках. Но у трав свой норов, и медленно, неохотно поддается одомашниванию тот же женьшень, чья лесная и полевая растительность... И отправляют каждое лето в леса и в предгорья тысячи сборщиков, чтобы найти, взять и высушить то, без чего медицина не обходится, словно позабыла о недвигном безоговорочном нашем покое: при переезде переезда синтетическим, могучим, нужным, но все же не природным.

Воспе не случайно ныне снова сколыхнулись во всем мире интерес к травам и растениям в медицине. На недавней выставке «Здравоохранение-80» я беседовал с одним из зарубежных фармакологов, он сказал: «На аспаль-

те ни шиповник, ни даже крапива не растут... Мы заведем вашим просторам и вашим заводам лекарственного сырья...» Другие мои выставочные собеседники подчеркивали: есть основания полагать, что значение лекарственных растений и получаемых из них биологически активных веществ будет возрастать. И не шукное это поверье, не дань моде! Понял человек и с особой остротой ощутил, что он и природа неделимы. И это вовсе не бунт против химической цивилизации, это мышление зреловзрослеющего человека.

Растения хороши и нужны сами по себе, растения являются и «рудниками», из которых добываются активные, полезные вещества.

В растении есть истинность настоящего. «Нау» лес и на луга травознания и сборщики. Мы с Зинаидой Дмитриевной Пустыловой, товарищем по лекарственным растениям Издательского райотребсоюза, только что приехали из один из дальних заготовительных пунктов. Сюда приходит не только кооператоры, но и многие жители ближайших сел и поселков. Тянется народ — кто с лукошком, кто и с большой корзиной. Не сразу так повелось, был прежде иной порядок: весь почет и уважение сатанику, который собирал всего по полному и сдавал десятками килограммов. А придет парнишка сумочкой, в нем полдюжины килограмм, его вроде и не замечают: «подожди», еще придется работать дорожку к заготовительным. Но изменили они тактику, и пошло иначе дело. Привыкают, намного, кто делает свой взнос в лекарственную кооперу. И сейчас прибавил ребятишки: выдвигаясь час после уроков, пошли в лес и набрали всякой лесной травы. Шант, записывают на свою школу интереса к лекарственным растениям, а также сбору и сдас!

Стелая же Громюх давно вышел из школьного возраста, можно сказать, солидный, знающий сборщик. Сегодня он урожай свой привез на «Запорожца», выгрузил мешок анисов. «Ну-ка, Дмитриевна, принеми на весаш...» Да нет, зачем слышать, на ковар сбору. Выпротало хорошие есть. Ты заказки, если на складе нет...»

Совмодно и обстоятельно работают кооператоры области. И когда зашел у нас недавно разговор о лекарственном сырье с председателем Правления Центросоюза Алексеем Алексеевичем Смирновым — а именно кооператоры дают стране основное количество сырья, он отменил: «В Хмельницкой области работают инициативные и знающие люди. Если бы каждая область, имеющая такие же природные ресурсы, давала лишь половину того, что заготавливают хмельницкие кооператоры, проблем с лекарственным сырьем было бы гораздо меньше. Пока же картина пестрая — в одних местах работают хорошо, в других хуже».

Центросоюз пытается сейчас выработать стройную систему сбора лекарственных растений. В Латвии создают «лесные лагеря» — приезжают сюда желающие, получают место в лесном дожде, отдыхают и собирают траву на лугу, а заготовитель ждать не заставит, сам придет и закупит собранное. Хорошо это еще и то, что оберегает лес от расхищения — ставят такие палатки не где придется, а там, где сбор вреда не причинит. Похожий опыт есть в Калининградской области.

Практика показала, что такая форма работы приносит свой результат. Ведется подготовка к тому, чтобы больше внимания сбору отдавали кооператоры, а также заготовитель, сам придет и закупит собранное. Заменить председателя того же Хмельницкого облпотребсоюза Бориса Ивановича Лищинича заметил в моей с ним беседе: для заготовок

лекарственных растений важно иметь постоянный состав сборщиков. Почему? Во-первых, люди будут лучше знать свое дело — это само собой разумеется. Во-вторых, заготовки предполагают бережное отношение к природе, помощь лесу и лугу, а не растаскивание его. Человек случайный может с этим и не посчитаться, а то, кто считает заготовку делом своим, и получает от такого занятия немалую добавку к своим доходам, такой человек позаботится и о природе, о восполнении ее ресурсов, о бережном отношении к зеленому делу.

Особенно это важно для тех, кто ведет заготовки неподалеку от больших городов — словно продолжает эту мысль, председатель Лукованского райотребсоюза Московской области Иван Никифорович Артюшин. Он только что показывал мне небольшое кирпичное строение — заканчивается сооружение сушилки, она позволит быстрее, качественнее готовить сырье. Несколько лет назад Московские областной и городской Советы народных депутатов приняли решение об охране редких диорастущих растений вокруг Москвы, и заготовители руководствуются положениями этого решения, оберегают колоники широколиственный и мелдуку, купену и, конечно, ландыш, тот самый, прохода мимо которого прежде, мы привычно наклонились и срывали — нужно не нужно, какое это имеет значение... Кооператоры и стремятся, чтобы и школьники сурьезно присматривались к делу, чтобы трудовой свой семестр студент кооперативно-го института или техникума провел на лесной делянке: не обидит такой человек лес или поляну и к тому же узнает, что это за труд — сбор травы.

В эту работу свой заметный взнос делают и аптечные управления. Недавно листал издание республиканского Дома санитарного просвещения Минздрава РСФСР руководство «Лекарственные растения». Пятдесят страничек — тут и правила сбора, и охрана диорастущих, и умение их высушить. Есть главы и о самоопылении — целебные травы могут оказаться и вредными, если принимать их без врачебной рекомендации и без контроля. «Настоят от всех болезней нет. Тот же зверобой,

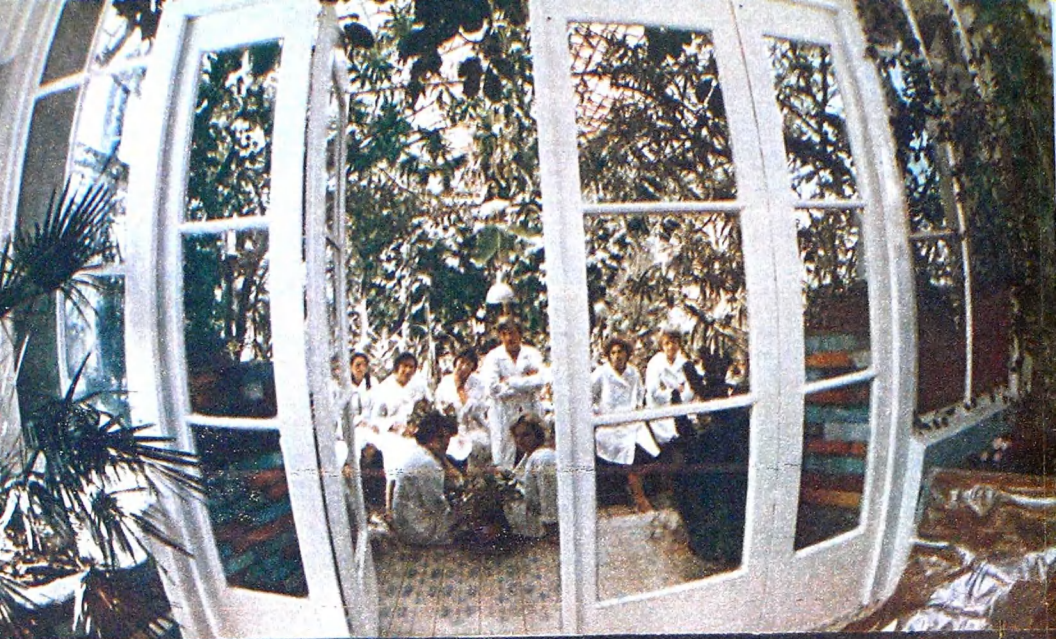
В селекционном питомнике: научные сотрудники. Весенний институт лекарственных растений Б. С. Ермаков и Н. И. Макурадзе, президент ВАСХИЛ П. П. Вавилов, академик ВАСХИЛ А. В. Пузальский, директор ВПР П. С. Чиков. На полях Московской экспериментальной базы института дед уборка ромашки.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Химик производственного-экспериментального завода ВПР О. И. Бурла. В институте изучены многие виды лекарственных растений: ромашка аптечная, облепиха, ноготки и валериана лекарственные, стальник полевой, луг голубой, катарантус розовый, мячик желтый, паслен долычатый.

Евгений АНТОШКИН

ПОЭМА

Сужив

Видел я не раз:
На дороге степной,
С деляном
Обжакшим воем,
Словно отрубленной головой,
Ветер играет
Перекати-полем.
И оно,
Как юродивый
С вечной клюкой,
Больно скрипящий
И корявый,
Стораним корни,
Как разбитой рукой,
Цепляется
За ускользающие
Травы.

Вот зареется
Робка в траву нирком,
Чтобы стих на мновенье
Ветер.
А потом
Опять помчит кувырком
По колымным просторам
Планы.
Будут вихри его крутить,
И врать,
Будто в мяч футбольный
Игла,
Потому что это
Сухая трава,
Посеревшая,
Неживая.
Потому что
Ветром унесена
Далеко от привычного края.
И летит,
Поседевшие семена
В солончак горьковатый
Роняя.

1

Над Шотландией
Низкие тучи неслись.
Шли прохожие
Мертвенно-глухи...
Он шагнул вдруг навстречу,
Словно ждал нас
Всю жизнь.
На безлюдном углу
В Эдинбурге.

Поглядел
Испытующе
Из-под руки,
На костыль, свой
Облокотился,
Словно сам
Из этой корявой клюки
Перед нами вдруг
Появился.
Невпопад улыбаясь,
Спустил,
Спустил
О своей рассказать нам доле:
— Жизнь моя,
Так в ночи бессонных решил,
Чем-то схожая
С перекати-полем.

Тут я все
Передумать уже успел

Вдалеке от родимого края.
Если б смог,
И птицей
Домой полетел...
Жизнь свою
Я навеки проклинаю.
Если б смог—
Я прошел до него
Пешком,
Я прополз бы
На четвереньках.
Там
Мне каждый кустик
С детства знаком,
Каждый дом
В степной деревеньке.

2

Каждый дом...
И припомнилась мне весна:
Мы в края родные
Спустили,
Проезжаем деревню—
Опять сожжена,
А давно ли
В ней люди жили?
И привычная лента дороги
Ползла
Мимо русских печей
И оградок.
То руины лежали
Вокруг,
То зола,
Где детиски играли когда-то.
Что ты знаешь—
Какой была
Та весна?
Молчаливо шли люди,
Как тени.
Может, так же деревня твоя
Сожжена,
И в помине твоей
Нет деревни.

Потому и тяжел еще
Наш трудодень
И детиске все меньше
Под кровом.
И все меньше в краю моем
Деревни—
До сих пор еще
Плачут вдовы.

Ты забыл,
Где лежала
Твоя сторона.
Ты не вспомнишь
То время лихое...
По тебе,
Может, тоже
Плачет жена
И считает себя
Вдовою.

3

Он правдой слов
Был потрясен—
На всем так ставят
Крест,
Как черный сон,

Как черный сон,
В глазах прочел я:
Брест!..
Сказал:
— Я вышел из котла,
Где только смерть
И тлен.
Война, однако,
Догнала...
Потом известно:
Плен.
Взгляни на волосы—
Седи,
На руки
Погляди!..
Вы правотой жестокой злы.
А ведь не я один
По суткам надрывал кишки,
Пока хватало сил:
Таскал тюки,
Бросал мешки,
Копал,
Крутил,
Грузил.

Не жижи—
Худой судьбы игра...
И вот замкнулся круг.
Сначала Рур,
Потом Бретань,
Теперь вот—
Эдинбург...
Как будто что-то
Вспомнил он,
Вдруг стал
Тяжелым взгляд.
Как черный сон,
Как черный сон,
Прочел я:
Сталинград!..

4

Шептала мертвая трава,
И краснотал шептал:
Гудел огонь
Смертельный вал,
Огонь все сжег,
Подмял.

И вслед за смертью,
За огнем,
Когда остыл металл,
Пришло известие о нем,
Мол,
Без вести пропал.

Мать странных слов
Не поняла:
— Сынок мой
Должен жить!..
И все звала его,
Звала
Сквозь сны
И миражи.
А утром—
Только рассвело,—
Зажугав плечи
В шаль,
Шла потихоньку
За село
И все глядела вдаль.
И в забытьи,

Сквозь серый дым,
Ей много раз
На дню
Опять он виделся
Живым,
Бегущим
По огню.
Волну убойную
Гоня,
Слепили
Среди дня,
Безумьем сердце
Леденя,
Два бешеных огня.
Ей в сыне
Сына
Не узнать
Известия (что может тяжелей).
Стояла потрясенной
Мать
В кольце слепых огней.
Горели жито
И порог,
И небосвод пылал.
По обе стороны дорог—
Зола,
Зола,
Зола.
И горьким привкусом
Полны
Ей губы обожгла...
И словно в ветреную
Стынь,
Глаза застала мгла.
И тогда
Подсказали ей:
Война,
Как страшный ад—
Она обратно
Сыновей
Не отдает назад.

5

А он
В бессоннице опья
Ночь напролет
Не спит.
Хотя вокруг
Все люди спят,
Сыном во мглу
Глядит.
Лежит,
То холодом облит,
То огнем—
Жарой.
Перед глазами
Вновь стоит
Тот год—
Сорок второй.
Опять
В душе его гнетет,
Как он, один
Из всех,
В ответ
На «Хеде хох!»
Встает
И таят руки
Вверх.
А рядом
Стол уже торчит,
А он дрожит,
Как лист.

огни

И не заметил,
Что кричит:
— Нет,
Нет,
Не коммунист!..
И спину рабскую
Согнул,
Свернулся в жалкий
Ком.
Горюхи
Прикладом подтолкнул,
Добавил
Сапогом.
Еще запомнил
Из всего,
Пока катился гул:
Фашист
Дрожащего его,
Как труп,
Перешагнул.

А бой
Все дальше уходил,
Все дальше —
Плыви вой.
И он
Всем телом ощутил:
Живой,
Живой,
Живой...

Легит.
И вроде невредим,
Лишь гарью
Обожгло.
Из всех
Остался он один.
Живой он:
«Повезло»

Но он запомнил
Под огнем

На горечь долгих лет —
Как палит снег
И чернозем

В морозном феврале.
Как на спине
Твердеет соль.

Как сладко
Не спеша
И холод чувствовать

И боль
И просто так —
Дышать.

И сквозь ресницы жестких век
Представил мир
В цвету...

Он должен жить —
Он человек,
Он любит
Красоту.

Недаром землю он
Пахал,
Недаром хлеб
Растил.

Недаром редко отдыхал —
Лепега ронял
В горсти.

Не знал дорожничего —
С землей всегда дружить.
Он — труженик,
Земля — его,
А значит,
Должен жить.

Он должен мать
Еще обнять
И приласкать
Жену.
Он должен сына
Воспитать
Хозяином в дому.

Он присягнул
Родной земле
Хранить ее,
Любить...
А что фашистам
Сдался в плен,
Спешил забыть,
Забывать.

Во всех грехах
Других коря,
Хлебнул,
Мол,
Через край.
И даже жила
Потерял
Позднее Ермолай.

Пусть в холоде
На нарах спит,
Решил он:
— Так и быть...
И днем работает,
Сопит,
Чтоб пайку заслужить.

А тем,
Кто вдруг заспорит с ним,
Он формулу припас:
«Что лучше» —
Быть всегда живым,
Чем мертвым,
Хоть и раз».

6

Уснет,
Во сне сплунет сплотит
И снова
Речку Брод
Неспешно переходит
Вброд,
Как в предвоенный год.

И по проснувшейся земле
Веселый день
Идет.

И, слава
Мирный труд людей,
Вновь певчий дрозд
Поет.

Пчела опять
Несет
С цветка
В леток

Пахучий мед.
И белополая телка
Сын на лугу
Пасет.

И иканы,
Наполненная вселенная.
Кругом
Друзья-голки.

Шагнет
И шапку набекрень:
— Здорово,
Мужики!..

7

Но пробуждается в ночи,
Кругом такая ж голь.
Спросонья чайка прокричит,
Заронит в сердце боль.
В окне едва блеснет зоря,
Вновь,
Сквозь густую тьму,
Воинопленных лагерь
Мерещится ему.
И всеми брошенный погост,
Чужие: речь, поля...
А где-то там,
За тысяч верст
Своя, своя земля.

Где пашня по весне зовет,
Где по труду
Почет.

Где мама старая живет,
Сын-сирота растет.
Где и жена все ждет его
(Хотя бы раз взглянуть).

Вновь до паденья своего
Пройдет он долгий путь.

8

Тех дней из жизни
Не стереть.
О чем ему
Жалеть...
Что мог
Геройски умереть,
В родных полях
Сгореть.

Как будто горькое вино,
Средь мирной тишины,
Его тревожат вновь
И вновь
Военных будней сны.

Вот он
В окопчике лежит,
Вот встал,
Вот бьет с колена.
Вот вновь во сне
Вперед бежит...
Бежит —
Все в тот же
Плен.
Наверно,
В этом жизни суть:
Погнбшему
Не встать.
И прошлое
Нельзя вернуть,
Чтоб снова все начать.

9

Забиться память
Не дает,
Хоть дням утрачен счет.
Жена его уже
Не ждет.
И сын уже
Не ждет.

Но дальний гул
Сороковых
И с ним
Ворвется в сон:
«А если нет его
В живых,
Так, значит,
Мертвый он?»

И таже
Этой думы миг,
Как в год
Сорок второй:
«А нет среди мертвых
и живых —
Так, может, он
Живой?»

Он сильным был,
Он воювал.
Мстить обещал врагу.
Что значит:
«без вести пропал» —
Ведь не игла
В стругу!»

10

Напрасно мать его
Ждала.
И незаметно
В срок
С тяжелой думой
Померла,
Шепнула:
— Прощай,
Сынчик..
Плеч материнских
Не обнять.
Цветов
Не принести.
А если мать
Устала ждать,
То нет домы пути.
Ты на ее больших руках
Живым ростом
Пророс.
Зачтется и тебе
Не раз
Боль материнских слез.

11

Он
Горькой памятью
Возник,
Как дань ушедших
След —
Глубокий,
Сгорбленный старик
Семидесяти лет.

Он укрывался вдалеке
Так много лет подряд,
Как пролежавший
В тайнике
Незавороженный
Скарля,
Из тех далеких дней
Шагнул.

Он, может, сам
Не рад,
Что этой новой жизни
Гул
Вернул его назад.
Сквозь даль
Уже забытых дней
Явился
Непопад.

Сказал:
— Мне не сыскать
Друзей.
Так, может, жив
Мой брат..
Сказал —
И был тому не рад.
Мой друг всплыл,
Сордит:

— Не знаю,
Жив ли где
Твой брат.
А мой вот брат
Убит!

Он думал,
Падая в сугроб:
Рубеж прикрят
Тобой,
Но оказалось,
Что окоп
Твой был тогда пустой.

Не знал,
Что ты ушел в кусты,
Не знал об этом
Брат.
Он умер с верой,
Что и ты
Не отступил назад.
Он выполнил
Свой долг бойца.
Над ним звезда горит.
Присяге верный
Да конца,
Под мирным небом спит.

А ты
Не зачишься нигде —
Ты на свете
Нет.
И в светлой памяти людей
Не отыскать

Твой след.
Копишь гроши
На смертный час.
Молся,
Его зовешь.
Подальше от знакомых глаз,
В чужой стране
Живешь.
«Не жизнь здесь», —
Так сказал нам ты —
Дни длинные
Пусты.
Раставил твои следы
Среди чуждой
Суеи.

12

Югится робко
К дому дом,
Здесь улички —
Не парки.
И горы мусора кругом —
Рабочие Гаймарки.
На неужоженной
Земле
Живет приезжий люд.
Чей позорней,
Потемней
И подешевле
Труд.

Но и лагулу,
Например,
Где мыши гнезда вьют,
Здесь
На английской все манер
Коттеджем
Называют.
Дом-крепость,
Путь другим закрыт...
Пой,
Плачь, —
И потому:
Ты голоден,
Здоров
Или сыт —
Нет дела никому.
Нужда —
Она ненапоказ,
И потому всегда
Подальше
От туристских глаз
Ютится Беднота.

13

Стоял он,
Думая томно,
Когда в тот день нежаркий
Опять мы повстречались
С ним,
Когда пришли
В Гаймарки.

И я тогда
Сказал ему,
Конечно,
Не стихами:
Мол,
Знает всякий,
Кто
Кому
Продался с потрохами.
И, потеряв семью
И дом,
Летишь по чуждым землям.
Ведь покупают быстро то,
Что стоит
Подешевле.
И раз ты подлость совершил —
Возмездие
По чести.
И боль не страшна
Для души,
Когда с народом вместе,
Спасая жизнь свою,
Бежал
Прочь от родного края.
Всю жизнь потом
Дрожал,
Дрожал, —
Зачем же жизнь
Такая!..

ЭПИЛОГ

1

Дождь морской пролив
Прошит.
Завон стокло.
Ветра свист.
Афиша старая
Шуршит.
Летит
Газетный лист.
Свет погасил.
Завел часы.
Нет,
Снова не спалось!..
Безумье буйное грозы
Ему переродилось.
И этот ветра страшный плач
Стенной напоил гул.
Набрало быстро
Ветхий плащ.
Он за порог
Шагнул.
Знакомый путь
Из года
В год:
Блеск пыльных
Бакалей,
Машин
Живой водоворот,
Круговорот
Огней.
И фейерверк реклам
Сквозь тьму.
Сквозь гул,
Трескучий
Дуал.
И показалося вдруг ему —
Все видит
В первый раз.
Неужто он
За столько лет
Не смог все разглядеть!..
И ветер
Холодом в ответ
Ударил.
Словно плетъ.
Сквозь дождь
Не видит ничего,
Куда идти —
Не знал.
А ветер подхватил его,
Вдоль улицы погнало.
Глаз не открыл.
Не закрывать.
В свечные молнии
Мгла.
Но впереди увидел
Мать,
Она навстречу шла.
И сердце
Словно боль ожгла,
И обожгло
Виском.
Услышал:
— Ермолай! —
Звала.
И ласково:
— Сынок!..
В старушке распознал сестрой
Знакомые черты.
Ее он вспомнил
Молодой:
— Неужто, мама,
Ты!..
— Ну что ж,
Гляди!
Не веришь сам,
Состарился не в срок
И проглядела все глаза...
Узнаешь ты,
Сынок!..
— Мамуля! —
Он запричитал,
Хотел ее обнять.
Но, спохватившись,
Прошептал:
— Нет,
Нет же!
Ты не мать!..
Мгновенно
Он глаза открыл,
Шагнув вперед

Рывком...
Лышь дождь
По плитам зачистил,
И разразился гром.
И молний
Белые шары
Поднялись в небо вой.
И ветра
Огненный порыв
Опять понес его.
Закрыв глаза —
Передний край
И голоса ребят:
— Как постарел ты,
Ермолай,
И не узнашь тебя!

2

Расчетливым он в жизни был
И сделал вид,
Что рад —
Без колебаний, мол,
Вступил
В карательный отряд.
Не в крематорий все же —
В тыл!
Теперь гляди, брат,
В оба.
Не слушал даже,
Что сулил
Фашистский хитрый обер.
«Врагу за умиренные —
Мест», —
Так думал неустанно.
В глухом лесу дорог
Не счесть —
Все тропы
К партизанам...

3

Сжималось мертвое кольцо,
И ветер злей
И злей,
То горький хвойный дул
В лицо,
То низовой
С поля.

«Неужто со своими бой?
Как вот за все
Расплатил —
Он шел
И чувствовал спиной
Ствол острый автомата.
«Бежать»,
«Бежать!» —
Еще вчера
Весь рассчитал
В тиши.
Но, слева зазвучу,
Кобура
Сказала:
— Не спеши!..
Наверно, обер
Все учел,
Когда с тобой шел
В бой.
Вдруг пулька хлопнула
В плечо: —
Так это ж вроде
Свой?

Как с автоматом
На броню,
В глухой сугроб
Шагнул.
И по прицельному огню
Вдруг беглым
Полоснул.

И понял
В этот страшный миг:
Позора не стереть,
Теперь стрелял уже
В своих,
Своей земле
Нес смерть.
«Вовек теперь
Твои следы
Снега —
Не заметишь!» —

Об этом лишь
Подумал ты,
А обер тут
Как тут:
— Ну, рус Иван,
Стреляешь тут,
Лышь метки
Фырь
Да фырь,
Теперь тебе уже
Капуть:
Расстрел
Или Сибирь!

И словно острием ножа,
Мылся болую
Обожгло,
Что некуда теперь бежать
Посвященному зло.
Неужто этого не знал,
Когда был молод,
Смел?
И больно было
По вискам:
Расстрел,
Расстрел,
Расстрел.
Послушным стал,
Как автомат,
Теперь крики:
Шнелъ,
Шнелъ,
Вперед!..

И вновь
Карательный отряд
По целине идет.
Повелею вокруг
Весной,
И огоньки вдали
Холодной тлеи желтизна —
Цепочкой волнишли..
И было сыро
И темно.
Ты сам дрожал,
Как зверь.
Но это было
Так давно.
А что,
А что теперь!..

4

От этих дум —
Скорей,
Скорей,
Но снова
На пути:
Вечерний холод
Фонарей
И мертвый свет
Витрин.
Как лодки,
Плавали дома.
Асфальт бурлил
Рекой.
И ты решил:
— Сошел с ума, —
Закрыв лицо рукой.
Опять ударил гроза,
Как о стекло
Метал.
Заскрежетали
Тормоза.
Ты на асфальт упал.
Но ветер в спину
Вновь толкнул,
Как будто рукою.
Ты на обочину шмыгнул,
Засеменил гуськом.
Поток волок
Вывершился лам.
И снова впереди
Смеялись тысячи реклам:
— Иди,
Иди,
Иди!..
Хотел заснуть
И умереть.
И долго
За чертой
Все минались
Огонек
И степь
В опрае золотой.

Толстовский «ПРОМЕТЕЙ»

Как некогда 100-летний, так и ныне 150-летний юбилей Л. Н. Толстого оказались отмеченными изданиями, которым суждена долгая жизнь. В 1928 году началось осуществление грандиознейшего девятидесятомного Полного собрания сочинений (юбилейного) великого гения земли русской, законченное лишь через тридцать лет. А в наше время коллектив ученых расшифровал и подготовил к печати знаменитые «Яснополяские записки» Д. П. Маковского, которые изданы в четырех томах «Литературного наследия». Вышли к юбилею и другие примечательные издания. Среди них девятидцатый том историко-биографического альманаха «Прометей» серии «ЖЗЛ».

Одно из популярных среди молодого поколения изданий всю свою площадь предоставило исследованиям, статьям, воспоминаниям, архивным материалам и фотографиям.

«Прометей», 12-й выпуск, М., «Молодая гвардия», 1980, 432 стр.

«Огонек» выступил. что сделано?

Экономический репортаж К. Барыкина («Огонек» № 16 за этот год) «Черствое отношение к свежей хлебу» продолжает вызывать отклик. Кратко напомню суть проблемы, затронутой в публикации журнала: на магазинных полках, в булочных покупателя нередко находит черствый хлеб. А такой хлеб если и покупаешь, то полностью не съедается.

Среди полученных — и письмо из главного управления Госгоринспекции РСФСР. Начальник Главка А. Малков считает, что вопрос сохранения свежести хлеба, соблюдения сроков реализации имеет важное значение и поэтому освещению в «Огоньке» указанных проблем является своевременным и нужным делом. Далее тов. Малков сообщает, что Госгоринспекция систематически занимается этим вопросом, воздействуя на промышленность и на предприятия розничной торговли. В частности, продолжает тов. Малков, при утверждении новых сортов хлебных изделий в их рецептуру предусматривается введение хлеба, замедляющего созревание хлеба, — сугого молока, жиров, молочной сыrovотки.

«В то же время путем постоянных проверок мы добиваемся от торговых предприятий соблюдения ими всех рекомендаций по сохранению свежести хлеба в процессе реализации; приме-

ям. О последних стоит сказать особо. Обозначив 16 тысяч фотографий хранится в фондах Государственного музея Л. Н. Толстого (почти 5 тысяч — с его изображениями), часть из них, тщательно отобранная и прокомментированная О. Еришовой и Т. Поповой, составила своеобразную фоторуну жизни писателя.

Почти все материалы альманаха богато иллюстрированы, и этот «изобразительный ряд» помогает нам войти в мир Толстого, зримо представить его. Да и сами материалы воспринимаются иначе. Статья Н. Азаровой, например, о декабристской теме в творчестве Толстого, в любом другом издании выглядела бы довольно сухим научным исследованием, а в «Прометее», обогащенная портретами всех «действующих лиц», она замечательно оживает. Жаль, что также не иллюстрированы отношения писателя к очерку В. Никитина «Богослужение и богочерство Толстого». Как мне кажется, альманах «Про-

метей» разрешил одну из задач современного литературоведения, сделал достижения исследователей вполне доступными не только узкому кругу специалистов, но и массовому читателю. На его страницах уже давно — первых томов, научные работы преодолели пресловутый барьер недоступности. И дело здесь, конечно, не только в иллюстрациях. Так, в толстовском томе рядом с исследованиями впервые публикуется целый ряд документов. Это записки С. Н. Дурылина «У Толстого и о Толстом», воссоздающие неизвестные страницы жизни писателя. Почти никто, даже «толстоведы» не подозревали о существовании «Записных книжек» М. О. Меньшикова, в которых день за днем записаны его встречи и разговоры с Толстым. В 1978 году «Новый мир» начал публикацию автобиографических записок Софии Андреевны Толстой «Моя жизнь». Прозвучали сведения о расписках жены Толстого, и ныне мы ближе узнали эту незаурядную и тоже многоголосную женщину, познакомились с ее жизнью. Точно так же впервые опубликованы записки конюшаров Я. И. Буткова о поведении «Холстомера».

В разделе «Литературный архив» публикуются лекции М. М. Бахтина о Толстом, прочитанные им в 20-е годы в Витебске.

Мы также впервые получили возможность познакомиться с жизнью и личностью старшей сестры писателя, Марии Николаевны Толстой. «Прометей» опубликовал очерк о ней ученика писателя, С. М. Толстого. Вообще окружение

Л. Н. Толстого, его творческие и личные связи представляются достаточно широко: Толстой и Чернышевский, Толстой и С. Т. Аксаков, Толстой и опенский сказитель В. П. Шеглебен, Толстой и оптический старец Александр Антоний и Н. К. Крупская, Толстой и Маковский, Толстой и полт-декадент Александр Добролюбов, Толстой и шведский писатель Ю. Сталлинг, Толстой и Уинстон Черчилль. Как этих личностей открывает определенную тему: Толстой и революционеры-демократы, Толстой и славянофилы, Толстой и народное творчество. И это толстовство о плодотворных пути раскрытия серьезных литературоведческих тем через судьбы, через всегда неожиданные их переплетения. Известно, например, что в отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого бережно хранится письмо, отправленное писателю 25 марта 1887 года восемнадцатилетнему К. К. Крусков. «О нем расписывается» статья Ю. Кузнецкой и К. Машиковой (Мусы Н. К. Крусков).

В выходных данных значится, что толстовский том «Прометей» подготовлен и издан по поручению научного управления Института мировой литературы имени М. Горького и Государственного ордена Трудового Красного Знамени музея Л. Н. Толстого. И это говорит о серьезности подбора материалов, в их общем научном уровне. Издательство «Молодая гвардия» осуществило выдающееся по культурной ценности издание.

Л. И. ТИМОФЕЕВ,
млн-корреспондент АН СССР

ЧЕРСТВОЕ ОТНОШЕНИЕ К СВЕЖЕЙ ХЛЕБУ

положение организации торговли хлебом в городе.

В первую очередь это несвоевременный завоз хлеба промышленными предприятиями по часовым графикам магазинов. Опоздания в заводе вынуждают иметь в магазинах большие переходящие запасы хлеба, что отражается на свежести реализуемой продукции. Увеличение сроков на переработку хлеба с истекшим сроком реализации за шесть месяцев только по Мослестрою продукция заведена с опозданием на 219 138 часов и 1711 godzin. Не вымоченный совсем. За этот же период возвращено 420 тонн продукции с истекшим сроком реализации (против 357 тонн за этот же период прошлого года).

Эти серьезные и, надо полагать, вполне обоснованные претензии редакция адресует руководству Главмособлторга, которое в уже опубликованном письме редакцию обошло эти и другие подобные факты. «Из-за ограниченных возможностей промышленных предприятий действует высокая норма заезда хлеба, определяющая частоту заезда, в результате основная масса магазинов получает продукцию один раз в сутки, что сказывается на свежести реализуемого хлеба. Над решением этих вопросов работает коллектив торгового совместно с работниками хлебопекарной промышленности и транспорта», — заверяет тов. Белоусов. О том, что торговля хлебом нуждается в улучшении, пишут и наши читатели.

Н. Потапов из Уфы сообщает: «Правильно поднимает «Огонек» вопрос о торговле хлебом. Эти неприятели есть и в отдельных магазинах Уфы. Придерживаясь распродажу свежего хлеба или подкладывают его своим покупателям, а на полках лежат застарелый. Прежде черный хлеб в Уфе поступал в продажу двух видов — формованный и павший. Сейчас много формованный. Видно, от критики перешли к мещанскому спору за порученную работу. Иначе покупателям пустые разговоры. Эту муку и павший хлеб вывезли в Уфу в пекелье Красный Текстильщик, — так блик Саратов. В нашем поселке выпекают хлеб для населения большей частью из муки высшего сорта и так называемый серый. Ржаного же нет. В магазинах хлеб выкладывают в муку, серого хлеба, его не съедает, вот и идет он на корм скоту. Застрявший хлеб приходится выбрасывать в мунд высшего сорта. Местный кооператор, видимо, решил так отказать хлеб в муку высшего сорта. Удивляет: печенье сейчас выпекают из муки первого сорта, а орехи, ши, мунд, мясо едят с хлебом из муки высшего сорта. Нам, как и в городе, в магазинах хлеба нет. Свежие изделия требуются в ассортименте. Может, это невыгодно для Финпланат».

ОТ РЕДАКЦИИ. Видно, настала пора собраться вместе представителям хлебопекарной промышленности, транспорта, торговли и обсудить, как решить эти проблемы. «Огонек» охотно опубликует отчет о такой деловой встрече заинтересованных сторон.

В Москве ему следовало сойти и сделать пересадку. Через военную комендатуру билет Андрей оформил быстро, но до отправления сибирского поезда оставалось много времени, по существу, весь день. Через Москву он лишь проезжал с фронта на фронт и очень обрадовался, что может основательно побродить по городу да и зайти на всякий случай, посетить с запиской Янша одного из его знакомых, крупного искусствоведа, причисного к большому миру художников.

«Зачем?» — спросил тогда Андрей.

«А разве я знаю, зачем?» — засмеялся Янш. — Вдруг Юрий Алексеевич делает что-то совсем необыкновенное. Предложит. Если, конечно, он не в эвакуации. Многие ведь Москву покинули.

Юрий Алексеевич оказался на месте. Дома. Никогда он из столицы не выезжал, почел бы это для себя недостойным. Дежурил на крышах, гасил зажигательные бомбы, словом, делал все, что и другие в его возрасте. А лет ему было за сорок. Ходил он сейчас по дому сутулый, но бодро постукивая в истерный от времени паркет палькой с резинным наконечником. Возле ног старика вертелся рыжий кот с тонким и длинным, сложным веревочным хвостом. Стены четырехком-

рисунки печатались в военных газетах. Но он сам считал, что главная его сила, если уж считать, что есть у него такая сила, — это в изображении птиц, зверей, растений. Лучшие рисунки — пером. С этого, по мальчишескому еще, он начинал и сейчас пером, карандашом все-таки лучше, чем кистью, владеет. Янши в своей записке очень преувеличили его способности.

Такого за ним я не замечал, — перебил Юрий Алексеевич, — тут он весь в своего родителя. Хм! А у вас, значит, вообще профессионального образования нет?

— Нет. Хотелось получить, да вот сперва одна война, потом другая... Да, в смысле психологическом. «Внимая ужасам войны, при каждой новой жертве боя мне жаль не города, не жены, мне жаль не самого героя...» Понимаете, как скучно, но сильно тут перекидывается мысль поэта к душевным страданиям матери! Попробуйте-ка это сделать на полотне! Хорошо, вы изобразите неизгладимое горе матери, написанное на ее лице, в ее позе, в движениях, и люди, кто будет рассматривать вашу картину, всем сердцем своим солются с нею. Ну, а что и каким образом вы в противопоставление скажете средствам живописи здесь же о друге и жене убитого? Виноград, это я и слышу. А вы не стесняйтесь, что нет у вас формального образования. Главное — талант. И в талант свой верьте. И спуск себе ни в чем не давите. Это обязательно. Как вы находите это эюд? Подлинный Айвазовский. Случаен ли, по вашему мнению, этот балый разрыв в тучах, клубящихся над штормовыми морями!

— Юрий Алексеевич, вы мне сами подсказываете. Ответить: «возможно, случаен» — я уже не могу.

— Когда, еще на срочной службе в армии, в стенной газете нарисовал я двух бегущих тараканов, а наш командир их принял за живых.

— Угу! Так, так. История, похожая на знаменитую сурковскую муку. И если ее предположительно продолжить в том же духе, нам стало со всей серьезностью готовиться написать, ну, допустим, «Взятие снежного городка» Боярыню Морозову или «Утро стрелецкой казни».

— Ну что вы! Юрий Алексеевич... И ничего-с. А как же альпинистские бы Ушбы, пика Ленина или Зверостат! Не будет с моей стороны. Андрей Арсентьевич, несомненно спросит: какая все-таки тема в широком плане уже оттолкнула на долгие годы, захватывала вас, воображение ваше!

Поступившая палькой в пол, он смотрел на Андрея доброжелательно, всем видом своим поощряя его ответы, хотя и не очень-то четко, отточенно, зато дерзостно, с таким свободным взмахом могучих крыльев. Андрей помирался. И всегда холодное его лицо делалось совсем жестким, резким.

Я хотел бы, хотел бы... И останавливался. — Но все это настолько смутно... Я боюсь даже сказать. То, что я видел я на войне... В одно полотно это никак не вместили. А множество отдельных частей все же не составят главного... Вот видите, я даже словами выразить свою мысль не могу, так где же это мне сделать в красках, в рисунке! И потом, хочется мне разгадать тайну движения, чтобы не само по себе и лишь иногда оно у меня получалось, а всегда, по моему велению... Андрей останавливался снова, чувствуя, что в его словах можно найти изрядную толщину самонадеянного бахвальства. А говорить он начал совсем неподготовленный.

— И прекрасно! — сказал Юрий Алексеевич. — Прекрасно, что вас тянет к серьезным

ОСВИНЦОВЫЙ ДЕНЬ

натной квартиры Юрия Алексеевича были увешаны гравюрами живописью. Старинной и современной. Большие старинные. А по углам стояли бронзовые скульптурные портреты мыслителей древности. Он с удовольствием показывал Андрею свои богатства. Но объяснял с оглядкой: вдруг его неиндустриальной молодой гости, к ним превосходно во всем разбирается. В записке Янша содержались безмерные похвалы таланту художника Пунтичева.

— Так, так, — говорил Юрий Алексеевич, сопровождая Андрея по своему домашнему музею. — Значит, вам довелось воевать вместе с Альфредом Кристовичем. Знаю, знаю его. А больше знаком с его батюшкой Кристом Яновичем. Отличный, перестоявший гравер. В молодости занимался так же, как и яли покорный слуга, подпольной революционной деятельностью. И в тюрьме оба сияли. И ссылку на холодном севере империи Российской отбывали. Виноват, к какому жанру в работе своей больше вы тяготеете? Чью, так сказать, эстетическую школу прошли?

И Андрей стеснительно объяснял, что он еще совсем никакой не художник, а самоучка, хотя, сказать без хвастовства, кое-что ему и удается. На фронте он делал множества зарисовок — этим только и занимался. Его

— Те-те-те! Но, предположим, мы попробовали бы его объяснить. И тогда каждый из нас станет это делать непременно по-своему, соответственно полету собственной фантазии. Так ведь? А у поэта: «...Умыл утешится жена, и друга лучший друг забудет; но где-то есть душа одна — она до гроба помнить будет. Фантазировать чашечку здесь уже нельзя. Все строго определено. И художественно доказано. Да-с.

— Фантазировать, может быть, и нельзя, а не соглашаться спорить можно.

— Ну, спорить, разумеется. Вся наша жизнь — бесконечный спор. А позвольте спросить: какие у вас планы на дальнейшее?

Андрей пожал плечами. Вопрос Юрия Алексеевича застал его врасплох.

— Ну, спорить, разумеется. Еду в Сибирь, в родные места. А там будет видно.

— Хм! «В родные места» — это мне нравится. А насчет «там будет видно» — не очень. Видно должно быть всегда и в любом месте: и там и здесь. Когда вы почувствуете, себя художником? Именно художником. Не просто человеком, умеющим рисовать. И поверили в это.

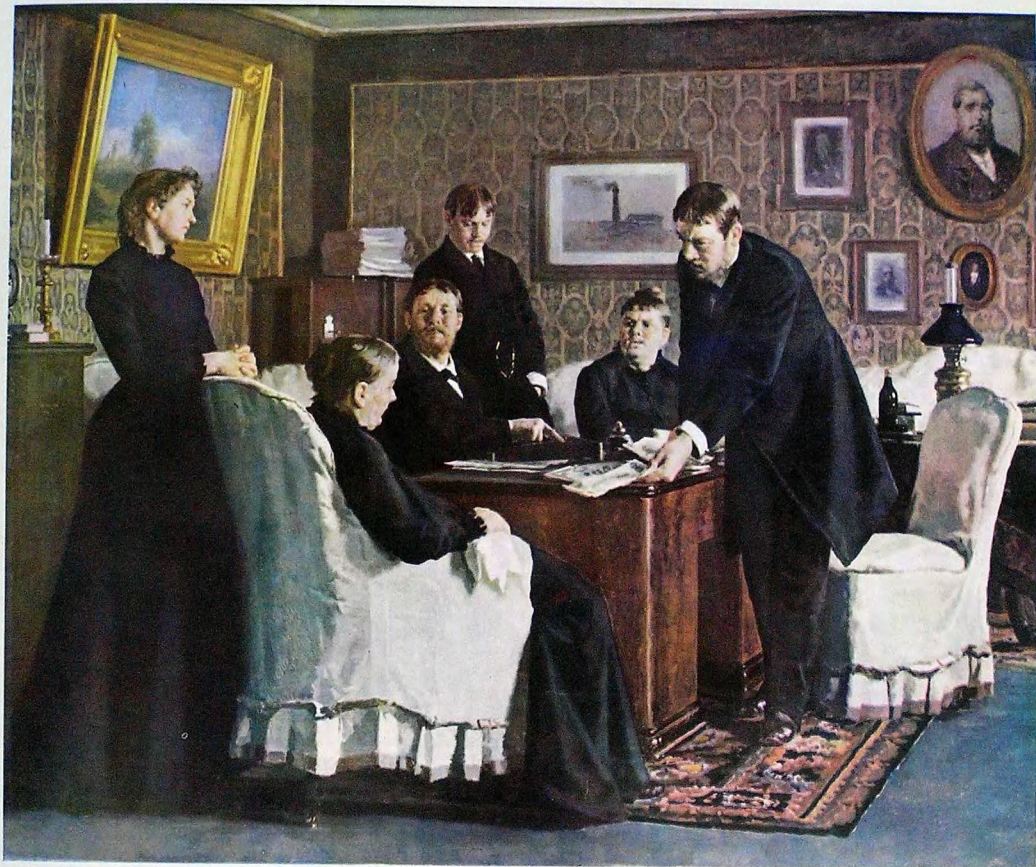
— Сиешно сказать, Юрий Алексеевич. — Андрей заколебался, он не был уверен, когда действительно это случится. — Пока-луй...

— Ну-та! —

и крупным темам в искусстве. А что до вас лично, в совершенстве овладев в живописи безотказно податливой художнику тайной движения. — Он повертел палькой, и резинный наконечник слабо скрипнул в трещинах паркета. — Что ж, будьте первооткрывателем. Работайте! И если даже вы не найдете философский камень, не решите «квадратуру круга» — это не в ущерб вам. Что-нибудь вы да найдете и что-нибудь да решите. Великого можно достичь только тогда, когда стремишься достичь великого. У вас, Сибиряков, есть такая охотничья поговорка: пошел на медведя — рыбакон не стреляй.

— А мне пока даются только тараканы, — шмурих сказал Андрей.

— Ну-да, говорю аллегорически, на тараканах, конечно, Андрей Арсентьевич, далеко не уехать. Надо вам запрягать торбы добрых козлов, — и обрвал себя. — А впрочем, если именно это ваше истинное призвание! И огромное желание, раскрывающее тайну движения, — только некий символ, потаенная мечта! Знаете, соединение такой мечты с целенаправленной каждодневной работой над тем, что стрейшей болью возмани в вашу душу возмани к тому еще — вы ведь сами сказали: главная сила ваша в изображении птиц, зверей и растений — к тому же и это ваша увлеченность может вас привести тоже к великим

Н. Неврев. СЕМЕЙНЫЕ РАСЧЕТЫ. 1888.

Н. Неврев, КУПЕЦ-КУТИЛА. 1867.

— А я кому и почему его назову? Пожалуй-
ста, хотите, вам еще раз все, что запомнил
повторю. Тайга — Ермаковская. А границы ее
мне неизвестны. Как будто многие сотни ки-
лометров в любую сторону. Вас это не смущает?

— Нет. Принимаю. И буду ставить вопрос
где полагается. Со всей строгостью. С напором!
Но восток, лично вас, сибиряка, неужели от-
цовский рассказ не захватил? Ну, если желае-
те, так даже как некое романтическое проис-
шествие. Вот вы с войны вернулись, с ордена-
ми, медалями, вы же там сквозь явные испы-
тания прошли! И не замечаете мысленно продол-
жить дело отца...

— Наоборот, Никита Борисович. Напоми-
наю: отец загинул тайгой.

— Хорошо. Допустим. Его можно понять.
Но вас понять, извините, я не могу. Над ва-
ми-то никакой давний страх не тяготит.

— Я не геолог. В рудях я ничего не смыслю.
— А я и не побуждаю вас взять в руки мо-
лоток. Стать душою pensa — вот в чем дело!

— Кто же меня, круглого невежду, поста-
вит во главе экспедиции!

— Бог мой! — Маков опять ударил ладоня-

ми по столу. — Вы! Не вас, а вы должны по-
ставить! То есть добиться, чтобы поставили. А
вы сами в тайгу можете и не ходить. Кстати,
я не спросил: какая у вас профессия? Или вы
после школы — на офицерские курсы, и сразу
потом на фронт?

— Вообще-то почти так — уклончиво ска-
зал Андрей. — Только на офицерских курсах я
не был. А профессия... Работал маляром. —
И что-то подтолкнуло его еще добавить: — Не-
много рую.

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул Ма-
ков. — Не знаю, как там у маляра, но у худож-
ника душа не может не тянуться к прекрас-
ному! А то, чем вы владеете, поистине пре-
красно. Эта ваша тайна...

Они увлеклись и протворили до наступле-
ния глубокой сумерек. Словались, что упу-
стили время, когда можно было бы подкре-
питься в общественной столовой по рейсовым
карточкам, а в коммерческом ресторане и до-
рого и пресидишь до полуночи. Не лень ли
на пустой желудок! Как будто это даже для
здоровья полезно. Но у Андрея а чепедаме
оказалась крошечка хлеба и небольшая банка
рыбных консервов — остатки от пайка, полу-

ченного в дорогу, — и они, запивая водопро-
водной водой, славно поужинали.

— Не знаю, как вы, а я спать буду креп-
че, — заявил Маков, отидывая уголок оде-
ла. — Пусть даже и во вред здоровью. Спаси-
бо за угощение. И спокойной ночи!

Однако заснуть им не удалось. Постучался
шофер Седельникова. Бручил Андрею корот-
кую записку: «Сейчас же приезжай. Завтра у
меня день суматошный. А.». К этому шофер
добавил:

— Алексей Павлович сказал: в случае чего
примени силу.

— В каком таком случае? — не сразу сооб-
разил Андрей, растерянно стоя перед распах-
нутой дверью в одних трусах.

— Ну, если вы не поведете.

— Да ведь поздно уже! Мы вот...

— Алексей Павлович бьет, и по целой
ночи не спит. Когда в командировке, в доро-
ге.

Седельников встретил Андрея совсем по-
домашнему, без пиджака, с расстегнутым
воротом рубашки и в мягких тапочках. Волосы
у него были мокрые и блестящие. Ласково он
старательно разглаживал пробор направо и на-
лево, непонятно, от какой из двух своих маку-
шек. В глубине квартиры тонко позвизгала
посуда.

— Здорово, дезертир трудового фронта! —
закричал он, обнимая Андрея и похлопывая
по спине. — Но ты извини, что сон тебе я не
портит. И еще извини, что в таком виде пред-
стал, едва успев под душем сполоснуться.
Прокис совершенно от пота. Ну ты как! Вижу,
кирпича у тебя и сейчас физиономия просит.
Поминишь, как тебя я поначалу оголошай!

— Помню. И надо было уже тогда кирпич
в дело пустить.

— А пуля? Где она сейчас, пуля твоё! Вы-
тащили?

— Да нет, не вытаскивал, осталась на преж-
нем месте. Но, может быть, и перешла в дру-
гое. Неважно, передается ли пуля, важно
то, что я живу.

— Значит, что же, я был неправ?

— Только в одном: убеждал меня остаться
в тылу.

— Фигу! — сказал Седельников. — В тылу ты
тоже вот как был нужен. И не думаю, что лю-
ди здесь несли военных тягот меньше. Хотя,
допустим, конечно, и меньше, потому что
смерть в тылу не столь уж широкой косяк, как
на фронте, прошлась. И не так зримо. А в ос-
тальном...

— Ну и я, как видишь, тоже жив.

— Ладно, пошли в комнаты. Не то, стоя у
порога, мы черт-те знает до чего договорим-
ся.

И потащил Андрея за собой, крича: «Ири-
шай! Поймай я-таки человека-невидимку».

Стоп был накрыт, лаская взгляд не столько
расставленными на нем закусками и пита-
ми — всего в самую скромную меру: — сколь-
ко удивительной белозной накрашенной сер-
ветки и хорошим фарфоровым сервизом.
Ирина, совсем по-девичьи круглолицая, с вы-
сокими и тонкими, неодинаково приподня-
тыми бровями и чуткою излишне выпяченной
нижней губой, была очень свежая, без каких-
либо признаков косметики, раскладывала ви-
лки и ножи.

— А! — отозвался она радостно. И броси-
ла чайные ложечки, все вместе, на середину
стола, торопливо сдернула, скопмала фар-
ту. — Вот черт сколько лет, Андрей, мы не
конеч снова в нашем доме увиделись. Жаль,
малышки уже угонились. Они тоже поклон-
ники вашего мастерства. А дети — строгие
критики. Их вокруг пальца не обведешь. Са-
дитесь, — показала Андрею место, — садитесь
сюда. И пожалуйста, без всяких отгадок, вы-
бирайте сами, что вам нравится. Алеша я го-
ворила: позвоните лучше на воскресенье к обе-
ду. А он: это само по себе. И правильно. Ни-
когда не откладывая на завтра то...

— ...что ты можешь сделать позавтра-
ку? — шутливо спросил Седельников. — Научен,
научен горьким опытом. Мне когда Киря сооб-
щала, ну, думаю, нет, не дам я этому медве-
ду выпастись.

— И себе в том числе, — сказал Андрей. По-
вел рукой в сторону Ирины: — и...

Он не знал, как ему здесь за столом называть жену первого секретаря обкома партии. С тех давних пор, когда о ней много рассказывали Седельниковы, на память наглядилось ее отчество.

— Чепуха! — поощрительно проговорил Седельников. — Вики, припоминаешь к слову. А ты не подбери, зови просто Ирина или на ака. Ирина, под каким сокращением, именем она в этом доме ходит. И уж всем бы на аты одинаково. Иначе запутаемся. А теперь приступаем к еде. Тебе из какого сосуда нали? Беленского или красненького?

— И ты, ни, ни, другого. Только чаю.

— Гляди-ка, даже там не приучился, — удачно сказал Седельников. — Ну, как хочешь, объявляю свобода полная. А мы с Иршей совсем по малюсенькой выпьем. Не по укоренившейся привычке, нет у нас таковой, а по общему обычаю русского гостеприимства. За твоё здоровье, Андрей! За возвращение с победой!

— И за новые победы! В искусстве. — Ирина подняла рюмочку, сковаз, не поглядела на неё. — И вообще за твоё счастье, счастливый ты человек!

Андрей неловко схватил пустую рюмку, तो-ропливо плеснул в неё из первой попавшейся ему бутылки, чокнулся, повертел в пальцах и поставил на стол.

— Прошу прощения! И за вас, обонх, здо-ровье тоже. Выходит, и за счастье.

— Ну нет, Андрей, ты так сказал о счастье, как будто его и на свете нет! — запротестовала Ирина. — Или ты не веришь в него?

— И счастье верю. Только не оскени верю, что я счастливый человек. — Если не ты, то кто же? — восхищалась Ирина. — И почему ты не считаешь себя счастливым? Иметь такой талант, справиться с ру-лей, прищипываешь лапками к сердцу, прео-долеть его угрозы! Мы понимаю. Чего же тебе тогда не хватает?

Беру свои слова назад. — Андрею не хо-телось продолжать такой разговор. — Согла-сен. Мне всего хватает, и я в мире самый счас-ливый человек.

— Ему не хватало хорошей жены, такой, как ты, Ирша, — заметил Седельников, немным жестом похлопывая Андрюшину. — Ну, ни-чего, это мы быстро восполним. Займись, Ирша. А пока, товарищ Путинчик, рассказы-вай, каким образом ты улизнул из Светлогор-ска, несмотря на мое сопротивление, и что было после твоего освобождения. Расскажи. За-ранее еще только скажу: долго у меня на сердце было как-то неуютно, противно. То, что задерживала я тебя, нехорошо. Все же, по Пушкину, «души прекрасные порывы» надо было мне ставить выше любых других соображений, включая и заботы о твоём здоровье и той пользе, которую ты мог бы принести в тылу. Однако ж и то, что я тебя тогда упу-стил, тоже было нехорошо. Ну, ей-богу же, пуля тогда тебя была вовсе не шуточной! Так мы и перебирались, твердо врачи утверждали. А когда ты и ни одной строки мне с фронта не прислал, я поняла: человек оскорбился. Впро-чем, рассказывай.

— Не знаю, с чего и начать...

Но все-таки последовало Андрей разговорился. Не очень последовательно, перескаываясь с одного на другое, он в скорой рсказу ме-ля вместили все наиболее существенное из того, что пришлось ему повидать и что при-шлось пережить за прошедшие годы. Гово-рить ему было легко, он чувствовал: его слу-шают внимательно и с подлинным глубоким интересом, с той дружеской расположенно-стью, которая снимает все заботы — складно ли связывается речь и пригоняется слово к слову. Андрей не повторял того, что было хо-рошо известно из газет и радиопередач, он не описывает собственное ход военных дей-ствий, а говорил главным образом о том, что врезалось ему в душу как художнику и что он постарался закрепить в своих рисунках.

Седельников слушал молча, изредка потя-гивая из стакана остывшее красненькое. Ир-на, случалось, и перебивала Андрея коротки-ми вопросами, но не столько для того, чтобы уяснить кой-что не понятное ему, сколько с уме-ло скрытой целью — помочь рассказчику най-ти лучшее продолжение своей мысли. Она выжидала, всплеснула руками и потрясено

вскринула, когда Андрей обмолвился вскозь, что за четыре года сделал различ-ных набросков по меньшему мере тысяч де-сят. — Двенадцать тысяч! Андрей, да ведь это... это целый вагон. Где же они!

— Понятия не имею. Наверно, лежат в ка-ких-то военных архивах. Подполтен все забир-ал у меня и отправлял куда-то.

— Куда? — В точности не знаю. Какая разница — куда. Важно, для сохранности. Хотя, по-моему, и хранить особенно нечего. Это же быстрые наброски карандашом в блокнот. И никаких им не вагон, от силы пудов пять-шесть набер-ется.

— Ну, вагон — я не в смысле веса. — Ирина засмеялась. — А из каждого наброска можно сделать картину!

— Конечно, конечно. А зачем? Да и не из всякого. Есть повторения. Есть просто... В об-щем, тогда казалось, а теперь, может быть, и не покажется. Или факт без настроения или настроение без факта.

— Чего, и спору сказать, у тебя не бы-вает, — вставил Седельников. — У тебя все а-натуре. Скорее так, факт маленький, а настро-ение большое.

— Не буду спорить, — согласился Андрей. — Со стороны виднее.

— А что ты дальше намерен делать со сво-ими рисунками? — спросила Ирина.

— Неужели при тебе так-таки ничего и не сохранилось? — спросил Седельников.

У них совсем одновременно вырвались эти вопросы. Ирина косточками согнутых паль-цев постукала в стол.

— Вот как мы с Алешкой думаем синхро-но, — сказала она. — А правда, Андрей! Впро-сы-то серьезные.

— Не думай я. Мне надо сперва поступить на работу. Съездить в Чаусинск, навестить ма-му. Иначе тогда приехать. Военные архивы запрашивать не стану. Пусть там все и лежит. Для истории. Если это нужно истории, имеет хоть какую-то ценность. А с собой в чистом виде нет ничего. В сырых набросках, пожалуй, штук пятьсот прелез.

— И что ты сделаешь. Другому дай бог та-кие чистыми, — сказал Седельников.

— Андрей, миленький, — Ирина вскопала, подбежала, обняла за плечи Андрея, — вот этого бы и надо начать. Но почему же ты к нам не приходишь, показывай рисунки!

— Ирша, это уже переходит границы до-пустимой критики, — остановил ее Седельни-ков. — Человека подняли с постели. Спасибо, что хоть так согласился приехать. Но, впро-чем, Андрей, в словах Ирши есть серьезная правда.

И давай, Алеша, будем думать вот о чем, — подхватила Ирина. — Надо организо-вать Андрею выставку его рисунков. Допу-стим, в клубе машинистостроителей. Или в фойе Дома офицеров. Можно и во Дворце куль-туры железнодорожников.

— Нет, нет, — поспешно сказал Андрей. — Мои рисунки не годятся для показа на публи-ке.

— Да, да, — сказал Седельников, — это нуж-но сделать как можно быстрее. Разумеется, при условии, что полнностью не переписат все то, что ты посчитал совершенно необходимым. А сама идея застольная. И железно. Отныне над тобой дамокловым ме-чом будет висеть Ирина. Ее настоятельность я немного знаю. Поэтому собираюсь, не как те-бе уклониться от выставки, а как правильнее распределить свое время с учетом того, что и в Чаусинске тебе надо будет побывать и на постоянную работу устроиться. Последнее, кстати, серьезная проблема. Вакантных мест сейчас вообще-то походу полно. Да надо ведь найти тебе и точное соответствие талан-ту. Главное, чтобы ты творчески жил, понима-ешь, творчески, а не выслуживал свою зар-плату по часам. Поговорю в отделении союза художников. Ну, этому мы уже вернемся на своему голову. А выставка — решено и подписано.

Ирина потерла руки. Хлопнула в ладошки.

— Теперь ты вдвойне в моей власти, Ан-дрей, — сказала она удовлетворенно. — Выста-вка и жена. Или, как бы там ни было, Хоть так-этак. И ты и другое будет тебе по высшему

классу. Партийное поручение первого секре-таря обкома. Обязана выполнить.

— Слышишь, Андрей, на какую основу все она переводит! — спросил Седельников. — Но, между прочим, одно поручение, поручение от первого секретаря насчет самой себя она все же не выполнила. Твердо ей говорилось: по-ступай солистой в оперный театр, а она — нет. Стала лектором при горкоме партии.

— Утрируешь, Алеша. Тогда можно сказать и о тебе, что ты сам в первые секретари на-протискался.

— Не отрицаю, — с шутовской готовностью подтвердил Седельников. И к Андрею: — Хочешь, рассказку? Не устал?

— Ну, ты сам посуди. Прошлой осенью от-зывалось Дербенева, нашего первого, в столи-цу. Назначение по дипломатической линии. Естественно, второго приглашают в Москву для беседы. А он попадает в больницу. С тя-желым диагнозом. Словом, на долгие годы. И он, перед тем как лечь, предвстав себе в Центральном Комитете называет меня. Так случилось, самому товарищу Сталину. Звоню из Москвы: выехать. Еду. Зачем — не знаю. В одной комнате с ним, разговариваю. В другой, в третьей. Постепенно преобразяю. И со стра-хом. Поимой, война еще не закончена. Живем, работаем в невероятном напряжении. Если уж рассказывать про диагноз второго, так он возник именно от этого, от перенапряжения.

Но у меня-то нет никаких расстройств, я в опыте. И внутренне решаю: я буду зада-вать вопросы в упор — откажусь наотрез. А может быть, и вообще, думаю, разговорами одними все обойдется. Ан, видишь вот, не обошлось.

— Ты рассказку продолжи. И что же, Мос-квич Виссарионовичем диалог получился, — подми-гнул Ирина. — Опши обстановку. Кабинет и все прочее.

— Подмечивает, — Седельников качнул го-ловой в сторону Ирши. — Ну все равно. Шту-ка в том, что ни кабинета, ни обстановки, ни ничего прочего не было. Только одна ко-мната. И в ней, в центре, на стене, портрет мо-го Сталина. Его усов, его глаз — ох, глаз! — и трубки в руках. Не стану же я головой вер-теть в разные стороны. А весь диалог такой. Он: «Товарищ Седельников, мне все расска-жи. Будем мы вместе решать проблемы». Я: «Справаюсь, Иосиф Виссарионович. Ну, ты, Андрей, и ты, Ирина, по-честному, могли бы вы ответить по-другому? Все мои страхи, все мои размышления насчет категорического от-каза враз куда-то прочь отнесло. Другой страх появился. И тогда, когда я почувствовал, что я «справляюсь» сказал. И понимаю же, не по-тому, что я Сталина испугался, а потому, что раз надо — значит надо справиться. Руководство целой областью — да какой областью! — руко-водство коммунистами целой областью — да какими коммунистами! — и какими, добавлю, беспартийными! — Центральный Комитет со-бирается мне доверить».

— Ты, Алеша, по возрасту своей еще рас-сказки, — поспорила Ирина.

— А чего по возрасту? Передавали мне по-то, будто, когда обо мне докладывали, по-даришь Сталину, колбаски, называть при-дётся второй год только идет человеку. Но Сталин сам об этом спросил. Ответили. С за-минкой. А он будто бы трубой своей пове-л и сказал: «Быстро у нас формируются люди. Это я тебе, Андрей, все к тому, что кой-ка-ким не замечено в тебе должной твердости. До-пускаешь еще чили — или. Ч-ч, ч-ч, Ирша, не грози пальчиком! Знаю, в чем его Архи-медовым рынком не соротишь. А вот в се-бя он не верит. Так, как верил в себя Сталин».

— Ох, нашел, какой пример привести! По-хвастался.

— Не посыл тебе знания, Ирина. Скажет Андрей: процветает в этом доме семействен-ность.

И присвистнул, взглянув на круглые настен-ные часы. Объяснял, что сам он может и не посылать и Андрей не посылать может, а Ирина утрата читать не умею, она нагородит такой чепухи, что потом люди в обком начнут пи-сать жалобы и ему придется, попирая семей-ную субординацию, объявлять собственной жене выговор.

Продолжение следует.

**Н. БЫКОВ,
фото Б. КУЗЬМИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Синий верткий поток чистой воды — это и есть лесная речка Иж. Могущая речка. Не потому могущая, что гонит больше других кубов в секунду, а потому, что отдала она мне свое прекрасному на земле удмуртов городу — их теперешней столице, многим маркам популярной продукции: стали, ружьям, манипуляторам-роботам. Иж — красный слог в именах гигантов индустриальной Удмуртии: «Ижнефть», «Ижсталь», «Ижмаш», а еще «Иж» — мотоцикл, «Иж» — «Москвич», автомобиль...

В далеком, очень далеком, хоть и незабываемом прошлом удмурты бедовали на выпаланных полях, зажатых лесами. Большая жизнь звенела мимо кандалами на известном сибирском тракте, что пролегал за Балеозинем. Здесь табулась все та же печальная памяти Владимира. Традицией удмуртских деревень было выходить к «партияма» с горячими картошками на лопухах и серым душистым калачом. Кто знает, может быть, и эти встречи-проводы сыграли свою роль: бунт уагуров в 1917 году был такой взрывной силы, что уже 9 ноября в Ижевске, а следом и по всем уездам установили Советскую власть. Историческая память народа веками хранила факты участия удмуртов в крестьянских войнах, которые вели против царизма Разин и Пугачев. В далекие годы гражданской войны удмуртов сбили в красивые отряды вожжи-земляки Наговицын, Прокопьев, Петухов...

А Иж-река бежала себе и бежала, петляя, будто играла, между знакомых берегов. И расступилась: темные зашумевшие песа, открывая свету рассветов бесчисленные деревеньки.

Балеозино, что на сибирском тракте, стоит-старая и по сию пору. Но есть рядом и новое Балеозино — райончик, остроотстроенный совсем недавно. На границе поселка за мелезодорожным переездом — неадаптированная к центральному усадебному знаменитому в республике колхозу имени Мичурина. Его вот уже почти три десятилетия возглавляет Герой Социалистического Труда Замир Шарифович Хасанов. Президент криво: все отразил рентабельные, севы специалистов с высшим образованием. Флаг на ферме нет, а есть монокопировод: а в селе не только на коровном молоке, допорова, газ баллонный. И электростанция теплая, не только в деревне, да на фермах, но и в домах. И если есть в колхозе новая прекрасная школа, то надо повернуть, что построены же после известного пожара все помещения павильона и правительства, а дальнейшим развитием Ижевской зоны РСФСР. И если есть медицинское обслуживание, если успехи санитарии и гигиены вошли в плотную жизнь, в быт населения, то и это плоды настоящей социализации удмуртской деревни.

Вот что сказал председатель Хасанов:

— Перемены видят те, кто здесь родился и живет. Перемены

возможны стали потому, что республика живет жизнью всей страны. Я помню удмуртскую деревню тридцать третьего года. Я хорошо вижу перемены — и лучше. Два года назад из семи пахотных деревьев оставили три, теперь заново обустроены. Школа — последняя пятиэтажная деревня колхоза. Носовели заняли наемные просторные коттеджи в поселке Тапани.

Есть одна величина, которую можно назвать постоянной. Это — поле. Поле удмуртов, старых мастеров по выращиванию ржи, льна, картофеля... Двенадцать лет в колхозе имени Мичурина работает главным агрономом Валентина Ивановна Ушакова, она и добилась за это время ошутимого повышения плодородия местных полей. В ее агрокабинете много образцов колосовых, корнеплодов, льна. Но здесь Валентина Ивановна не произнесла ни слова. Разговаривала она только тогда, когда мы выжидали на ее «Ижугуля» в поле. Лен, тако позаванная голковками-погремушками, стоял в снопах. Лен, такой лен — гордость агронома.

Известно, жизнь прожить — не поле перейти. Да, конечно, поле перейти не велик труд. Но такие люди, как Валентина Ивановна, знают, что иной раз вся жизнь — в поле, вот в этом неадаптированном суглинка, вчера еще числившегося в малоплодородных. А сегодня? Сегодня поля Ушаковой рождают с силой кубанского гектара. Счите сами, гектар льна дает тысячу сто рублей. Каждый гектар!

А урожайность зерновых на полях Ушаковой поднялась почти втрое! В седьмой пятилетке она составила менее 9 центнеров с гектара, а вот в 1977–1980 годы повысилась с 22 центнеров до 24. То есть урожай теперь здесь не только достаточно высокий, но — что и было целью молодого специалиста — устойчивый, постоянно высокий. И себестоимость зерна здесь вдвое ниже, чем в среднем по району. А ведь владения Ушаковой — на севере Удмуртии.

Валентина Ивановна сама из Ярского района, она сымала вволюла все полевые работы: полола, жала, молотила, сгребала сено, управлялась с лошадами. Поле всегда заставляло ее сердиться сильнее, хотя часто было ей жалко поле с беднейшей работой... И рискнула она поехать в Ижевск, где только-только объявляли первый набор на агрофак нового сельскохозяйственного института. Читая, учиться, более того, анимать ученых, старикам бригадирам, людям, неравнодушным к судьбам растений, — такое очевидный талант, доведший из дальней холодной удмуртской деревни. Терпение и знания молодого агронома обернулись урожаем, растущим общим благосостоянием колхоза. А она снова училась, снова требовала забот о поле: по ее приказам вносили известь, спустили воду с переувлажненных участков, засеяли поле клевером, а клеверные тщательно распахивали, разделявали, трепали на семена лучших сортов и репродукции, трепали на новые машины, повышали оплату

ПОЛЕ

Плодотворно сотрудничество председателя колхоза Героя Социалистического Труда З. Ш. Хасанова и главного агронома В. И. Ушаковой.

УДМУРТИИ

труда механизаторам честным и умелым.

Сегодня В. И. Ушакова из белезинского колхоза имени Мичурина — кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, она заслуженный агроном Удмуртской АССР. Перейти поле, бездумно перейти ничего не стоит. Но перейти, чтобы увидеть его, каждый комочек пестуемой пашни, чтобы услышать голоса всходов, поземки, корней, жаждущих пищи ли, воды ли, — значит отдать ему, полю, жизнь до последнего дня, отдать и будни и праздники, отдать и быстролетные весны, и долгие зимы, и бессонные месяцы страды. Не случайно про агронома Ушакову комбайнер Николай Урасиков сказал: «Наш финансист». От земли, от зрелости агронома все прибыли колхоза и заработки людей.

— Осень — единственный судья земледельца, — говорит Валентина Иванова. — И лучший заступник агронома...

Когда Валентина Ивановна докучают инструктажами, настойчивым напоминанием о сроках сева и уборки, она не уклоняется от спора, но все же спешит уйти от словесных баталий в поля за медленной зеленоватой Чепцой, где разлилась небесная голубизна. Поле отвечает ей, благодарной дочери земли, охотно и бесхитростно на все ее вопросы. Поле никогда не обманет. Оттого-то и доверяет ему Ушакова, подошедшая так близко к разгадке тайны плодородия.

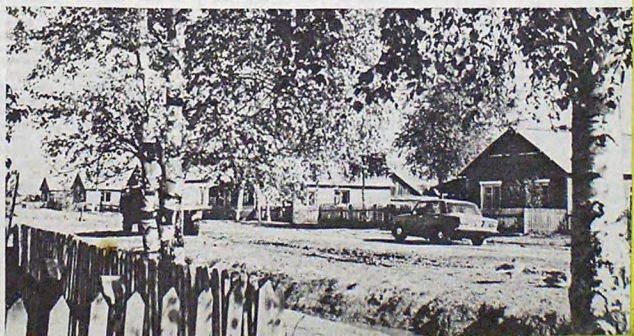

Новый квартал Ижевск.

На реке Чепце...

Одна из деревень колхоза имени Мичурина.

НЕЗАБЫТАЕ ЧЕЛОВЕК

X. ГОТИСОЛО

Поздним июльским вечером самолет из Марракеша приземлился в аэропорту «Шереметьево». И хотя это было мое четвертое посещение столицы, я не узнал ее.

Громадный город преобразился: повсюду флаги, воздух наполнен музыкой. Отовсюду слышны гимны, пасодобли, узбекские и азербайджанские мелодии, кубинские боперо, ритмы из Анголы и Мозамбика, русские хоры. А какое множество девушек-гидов! Похоже, что к моему приезду в Москве посадили еще несколько миллионов деревьев и цветов, хотя этот город мне всегда казался цветущим садом. Цветов столько, что их, пожалуй, нет только в супе. Позолоченные купола блещут еще ярче.

Большой театр и сотни исторических зданий и музеев обновлены заботливыми руками. Красная площадь еще прекрасней, чем всегда, она как мак среди пшеничного поля.

Москвичи показывают своим гостям помолодевший город, как молодое поколение друзьям свою новую квартиру.

В день открытия Олимпиады весь город был похож на олимпийский факел — светящийся, переливающийся от огня и движения. Новые бары и рестораны. Не знаю толком, откуда эти слухи, будто кто-то в Москве не мог, дескать, выпить ни глотка спиртного, а затем по возвращении в свою так называемую «свободную Европу» или в США рассказывал обо всех этих и прочих «варварствах».

Гостеприимство московцев стало еще теплее, они везде готовы броситься к вам на помощь. Повсюду улыбки, приветствия, объятия. А телефонные просто с ума сошли от любви и разговаривают на всех языках земного шара. Слыдаются тонны мороженого, льются тысячи тостов за дружбу между народами.

Олимпийские игры — это не только каскад рекордов и спортивных достижений, лавина эмоций и душевных потрясений, это еще и повод для размышления,

повод для осмысления пути, пройденного человечеством в стремлении к духовному и физическому совершенству. На заре человеческой истории бег, прыжки, плавание, метание были органическими проявлениями человеческой силы. Но время шло, история проходила этапы урбанизации, меняла человека, он постепенно терял способность нужные ему для борьбы с природой. Постепенно функции сохранения физического развития стали принимать на себя своего рода атлетические празднества — Олимпиады, на которых состязались в ловкости и силе, в быстроте и выносливости, — так зарождался спорт. Но эти праздники и турниры античных времен были особыми. Уже в самом начале своего возникновения в них принимало участие не все население, а избранное. Простой народ оставался пассивным созерцателем подвигов знати, эристорктов.

Наблюдая сейчас состязания атлетов из различных стран, народы которых еще недавно жили в разрозненности, нищете, я думаю, что история никогда не движется вспять. Пусть не так быстро, как бы нам хотелось, но мир все же прогрессирует, особенно последнюю сто лет. Если при рождении и на долгие годы спорт оставался уделом элитарных классов, то сегодня смело можно сказать, что спорт завоевывает континенты. С каждым разом все больше участников на Олимпиаде, и число это будет возрастать.

Международный конгресс на тему «Иена и спорт», прошедший в Риме, собрал выдающихся, всемирно известных специалистов из многих стран, представителей различных течений, школ и идеологий. На конгрессе много говорилось о том, что женщина затрачивает меньше энергии, организмы женщины обеспечивают максимальный теплообмен и номного лучше, чем у мужчин, самоополняет свои энергетические ресурсы. Более того, нет ни одного научного подтверждения женской слабости и физической неполноценности.

Сегодня я хочу коснуться лишь одного бесспорного факта в истории женской легкой атлетики.

Женщина — мать семейства, одна из многих матерей. Я имею в виду Татьяну Казанкину, которая четыре года тому назад, будучи еще не замужем, стала чемпио-

ной в Марраке на дистанциях 800 и 1500 метров. А сейчас, уже имея маленького ребенка, установила новый олимпийский рекорд на дистанции 1500 м, вновь поднялась на вершину ступеньки пьедестала. И это в 29 лет!

Татьяна — маленькая, худенькая, быстрой походки. Окончив дистанцию, разговаривает с тренером так же быстро и темпераментно, как и бегает. И если я выбрал эту женщину среди прочих других спортсменок, которые добивались успехов, заглядывая для мужчин, то только потому, что для меня Татьяна, демонстрируя победу над хронометром, показывая результаты, сильные не только юным, таким, как элегантнейшая румынка Н. Команеа, очаровательная Н. Кия, гимнастки из ГДР, ошеломившая меня кубинка М. Колон.

По прошествии многих дней наиболее ярко мне вспоминаются соревнования, открытая и закрытая Олимпиады. Еще и сейчас живет во мне восторг перед великолепным красным зрелищем, которое представило на стадионе имени В. И. Ленина в день открытия. Парад многочисленных делегаций — каждая со своим национальным флагом — торжественно проходила перед трибунами. К сожалению, некоторые делегации по абсурдному запрету своего правительства были лишены возможности нести флагов своей страны. Все участники парада нарядно одеты: ослепительно белые костюмы и алые береты у кубинцев, испанцы в костюмах серого цвета, элегантного, сдержанного тона, костюмы у советской делегации, живописные лесотические наряды азиатских и африканских стран. И хотя мне было грустно видеть испанскую делегацию, идущую без своего национального флага, меня порадовало то маленькое искусство с национальными цветами, помещенный в центре национального флага Олимпийского национального комитета Испания.

Тут на нас хватило аплодисментов. Издалека слышится мое имя. Кипилица, Вот Л. И. Бронев провозглашает открытие Олимпиады, тысячи и тысячи голубей, воздушных шаров, взлетающих в воздух. Неожиданно появились дети — олимпийские мишки, они выбежали гурьбой из картонных домиков и заполнили все поле.

Греческие эвандриды, запрещенные лошадины, и ассоциация и них прекрасные женщины, оде-

тые, как богини, и неподвижные, как греческие статуи.

Национальные танцы всех пятнадцати республик страны. Неиздаваемые по красоте и безукоризненности выступления гимнасток.

Торжественный путь факелов, взвешенного по неожиданному выросшему над трибуной лесенке, он устроился туда, где должен замечать главный олимпийский огонь, который будет гореть все дни Олимпиады.

Церемония закрытия Олимпиады была более сдержанной и в то же время грустной. Грустной потому, что Олимпиада закончилась, веселой потому, что прошла без инцидентов. Единственной пошлостью испортил праздник было абсурдное решение США не поднимать флаг страны предстоящей Олимпиады. Его заменили флагом Лос-Анджелеса, города XIII Олимпиады.

Это, повторяю, вызывает во мне горькие чувства. Грустно думать о том, что есть правительства, спекулирующие на спорте, которые смешивают спорт с политикой. К счастью, это не коснулось участников более чем 80 стран, приехавших на Олимпиаду. Но достоин сожаления тот факт, что анаэробные, необдуманные, а бы сказанные, неразумные решения президента одной страны могут привести к тремкам в такой далекой от политики области, как Олимпиада.

Помимо этих двух церемоний, я вспоминаю с особым волнением о бурной олимпиаде на стадионе имени В. И. Ленина, на финише труднейшего марафонского забега на 42 километра 195 метров. И вот объявили, что бегуны приближаются к стадиону. Публика скандирует, неистовствует. Я еще не могу различить победителя: как его имя, кто он? Вот он уже виден, это В. Черепинский из ГДР, поздравил голландец Г. Нейбуер, кричат мне имя третьего — это советский спортсмен С. Джумагаров, а меня уносит воспоминания в древние Афины, откуда и начал свою историю марафон. Восхищенные победы над персами, афины посылают гонца по имени Филиппидес в Афины, с тем, чтобы он сообщил разостнувшую весть. Сбросив с себя доспехи, афинянин побежал в столицу и, преодолев 42 километра от Маратона, места победы, умер в изнеможении. В память его и сейчас устраивать в Олимпиаде марафонские состязания, но современные бегуны на дистанции не умирают, они прекрасно подготовлены к трудной борьбе.

Перевод с испанского

«Каждый год, в канун праздника Победы, мысленно возвращаюсь к прошлому, к Великой Отечественной войне», — пишет Борис Гусев в одном из своих очерков. Мы вновь и вновь осмысливаем

Писатель и журналист, Гусев сделал военно-патристическую тему, поиск неизвестных героев, глаголав в своем творчестве. Это благодаря ему читатели «Известий» и ряда других периодических изданий ознакомились с ма-
но, а то и просто неизвестным странцами минувшей войны, узнали имена, извлеченные из небы-

Верен писатель избранной теме и в своей новой книге: «Дороже золота». О том и о чем бы он ни писал, память его постоянно водит в минувшие, за занесенных снегом, холодные и голодные улицы блондиного Ленинграда, когда он, пятнадцатилетний подросток, вместе со своими сверстниками «илинскими» общими настрением со взрослыми — выстоять, выжить. Невозможно равнодушно читать такие очерки, как «Нежданный гость», «Комната ленинградца», «Белом нашей юности». Документальные свидетельства человеческой стойкости и мужества, несомненной силы и красоты. Со всей силой суровой правды воссоздавая героическую и трагическую пору, когда все проявлялось в крайних пределах, автор ничего не приукрашивает и не домысливает. Персонажи предстают именно такими, каковы они были в жизни, каждый со своим характером. Запоминается образ беззащитного мальчика нашего и возвратившегося хозяева продуктыв маркировки, утери которой означала неизбежную голодную смерть. Столь же пронзительны и рассказы о старой лодке Илье Ивановиче, о судьбах многих и многих блокадников, чьи реликвии ныне сбережены в Музее обороны Ленинграда.

Автор не скрывает того, что встречались тогда и иные типы — мародеры, наживавшиеся на народной беде, предатели. Однако, говорит писатель, жизнь держалась не на них. Она опиралась на людей высокой нравственной чистоты и мужества. На таких, как Николай Битте, артиллерийский командир, который не мог расколоть «большие четырех снарядов с тушки» (богоявилась катастрофически не хватало) и тем не менее своего выходя из дуэли с фашистскими артиллеристами, вызывая огонь на себя ради того, чтобы умирать, обстреляв осаживающих Ленинграда. Или Филипп Сажокин, шофер, который на «дороге жизни» отодвинул ручку, не дав до назначения машину с продуктами, довел, управляя лодкой. Вспомните же их, беззаветных героев, те, кто благодаря им сохранили жизнь — восклицает автор. И словно откликнулся на призыв, неутомимо действующий герои его очерков — и действительности новеллы, участники трех войн Александр Александрович Суслов, и пятнадцатилетняя школьница Наташа Орлова, доброта и патристическое чувство которой вызвали и мирное движение пионеров «Писки» — «Никто не забыт, ничто не забыто». «Закон жизни неуловим», — пишет очеркист. — Редко риды веранов, и уме не так тихо и несло звучат тосты и речи на традиционных встречах однополчан в праздник Победы — 9 Мая; каждый год кого-то уносит. И потому с каждым годом становится все дороже документальные свидетельства подвига народа. Среди них достойное место занимают и очерки Бориса Гусева.

Иван ИСАЕВ

Борис ГУСЕВ. Дороже золота. М., изд-во «Известия», 1989, 112 с.

Номер акробата Николая Сажокина вызвал всеобщее восхищение. — Совсем молодой еще, а добился такого...

Сажокин задирали сестры Кротовы на проволоне и братья Адрисские на батуте.

Коварный Плутоин только кактос головой, за полтора цирковой деятельности он не мог припомнить ничего подобного. Кажется, у Дурова однажды... Нет, ни у кого из Дуровых, ни у Буталина Лазарено такого не было.

Елена Осминогова, заслуженная артистка и еще не вышедшая номера Сажокина, улыбалась и говорила ласково, по-матерински:

— Да, Колония далеко поидет. Да, Колония далеко поидет.

После представления мы ужи-нали в ресторане гостиницы. Друг ты мне или нет? Скажи, как это тебе удалось?

— Ямохин отшучивался, переводил разговор на другую тему. Только после третей бутылки он мне не удалось

вызвать его на откровенность. — Ладно, скажу. Но — ниному. Ниному!

Колония посмотрел на меня незнакомыми глубинами, переводил разговор на другую тему, перед которым не могла устоять ни одна глуповатая. Издалека от глуповатых валагу.

— Дядя помог.

— Да? Да? Мой родной дядя. Он директор этой гостиницы. Да мне из брони.

Наво УГРИК

ОКРЫТКА

Секретарь директора влетела ко мне в кабинет, едва переломив дыхание. В изменении она бросилась в нерешо. Ее всю трепала. С минуту она не могла выговорить ни слова.

Наученный опытом про-смотра фильмов с аналогичными ситуациями, я пода-ел ей стакан воды: — Выпейте, вам станет легче.

В отличие от героинь экра-на секретарь отказалась от во-ды и продолжила доверять. Я расспросил ее. На ней обиль-ная фототрипс обычного горо-да. Я вполголоса поднимал глаза на возбужденную девуш-ку.

— Читайте на обороте, — процедила она сквозь зубы. На оборотной стороне открыт-ки были совсем обычные сло-ва: «На новой работе часто вспоминаю старые коллег».

Но подписи! Я сразу же узна-ел. Неэнергично перевернул ту-тос косою линией волнистая подпись. Это, бесспорно, авто-граф нашего директора!

— Что за шутки! И тут до меня дошло. Если наш шеф пишет с новой рабо-той, то энергично перевернул ту-тос косою линией волнистая подпись. Это, бесспорно, авто-граф нашего директора!

нами. Она уже осматривала весь его кабинет. Директора нигде не было. Заглянула даже под стол и в шкаф. Никого! Единственная информация о пропаже — на периметре календаря значилось число трехмесячной давности.

— Так это, значит, мы уже три месяца без директора? И никто этого не заметил? Восхищенную я и умиротворенно посмотрела на нее.

— А как я могла это уста-новить? — ответила она с яв-ной обидой в голосе. — На совеща-нии, разные зингивы, собра-ния, как всегда, я посылала его заместителей. А что еще?

Я ей подсочувствовала. Через минуту мы с ней заключили се-паратный договор о том, что эту тайну будем хранить как можно дольше. Дела идут по-ным ходом. Успехом малюко. А там кто, знает, кого пригласит? Могут прислать такого типа, что будет мешиваться в рабо-ту.

Открытку мы сохранили над пепельницей и пепел выброси-ли. Секретарь, явно успокоив-шаяся, вышла из моего кабин-ета, чтобы продолжить свою не-легкую службу.

Перевел со словачского В. ОБУХОВ.

Рисунки Ю. Черепанова

Получил повышение.

— Так вот куда доведет вас папа.

ПАМЯТНИК ВЕЛИКОМУ АКТЕРУ

Бронзовое изваяние Михаила Семеновича Щепкина появилось на гранитном постаменте во дворе старейшего театрального училища России, носителя его имени. Крепостной крестьянин, ставший одним из величайших русских актеров, Щепкин был по выражению Герцена «артист по призванию и по труду». Он считал правду на русской сцене, он первый стал нейтральным на театре...

Сорок лет прослужил Михаил Семенович Щепкин на московских сценах. Тридцать девять из них он отдал Малому театру. На открытии памятника старейшие актеры театра Е. Гоголева, М. Царев, Н. Анненков говорили об удивительном таланте великого артиста, о его гражданской непереносимости и преданности делу искусства.

Л. СЕМЕНОВА
Фото С. Петрухина

ЛУЧШИЙ УНИВЕРСАМ СТРАНЫ

Он находится не в центре Москвы, не на улице Горького и не на проспекте Иванами, а в самом краю столицы — до олимпиады станции метро шесть троллейбусных остановок. И все же именно этот гастрономический универсам — называется он «Ленинград» — завоевал первое место в соревновании многих тысяч торговых предприятий страны: по итогам первого полугодия ему присуждено переходящее Красное знамя Министерства торговли СССР и ЦК профсоюза работников торговли и потребительской кооперации уже шестой раз. Показатели? Вот они: перевыполнен план по товарообороту, прибыли, рентабельности. За 12 лет существования универсама товарооборот вырос почти втрое, а число контролеров и работников не только не увеличилось, но стало меньше на пять человек, следовательно, нагрузка на каждого возросла в три раза, но за счет применения техники. При этом магазин не имеет нареканий и жалоб. А этот показатель не менее важен, чем экономические.

В «Ленинграде» восемь отделов, первое место среди них и почетная грамота — у отдела заказов, пользующегося большой популярностью у москвичей. Тут работает бригада коммунастического труда. Отдел имеет свои филиалы на фабрике

имени Петра Алексеева, в институте «Гидропроект» и других местах. Отдел применяет самые прогрессивные формы торговли, в том числе авансовое обслуживание, очень понравившиеся покупателям. Вот что рассказывает постоянный клиент отдела заказов А. А. Герасимов: «Семью из пяти человек я вношу в наассу аванс — 100 рублей и целый месяц не имею никаких ни забот, ни хлопот. Покупаю какие требуются продукты, кроме, разумеется, хлеба и овощей, — этик отовес нет в гастроном. Очень удобная форма, экономия сил и времени. Ею пользуются все наши соседи и знакомые...» По адресу обслуживаются многочисленные матери, студенты (особенно иногородние: родители переводят деньги прямо в магазин), Инвалидами Отечественной войны и труда I и II групп продукты доставляются на дом без дополнительной платы за предоставление услуги и транспортные расходы. Эти удивительные гастрономы взяла на себя.

Секретарь универсамов методов торговли универсам «Ленинград» щедро делится с другими гастрономами, однако первенства уступать не собирается: пятилетний стаж работы в универсаме — 5 декабря! Такое у коллегистов обязательство в честь XXVI съезда КПСС.

Г. ВЛАДИМИРОВА

У Ирины Старостинной и Аллы Николаевой покупатели бывают и такие.

Фото Г. Копосова

КРОССВОРД

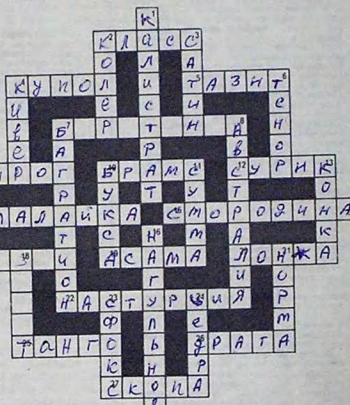
По горизонтали: 1. Школьное помещение для уроков. 4. Свод, крыша в виде полушария. 5. Несочиненная поэма. А. С. Пушкина. 7. Металлообрабатывающий инструмент на токарных и расточных станках. 9. Хлебное изделие с начинкой. 10. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века. 12. Минеральная краска. 14. Струнный музыкальный инструмент. 15. Ягода. 17. Курорт в Армении. 18. Действующий вулкан в Японии. 20. Струковая веревка при испытании кожаной обуви. 21. Цвет. 22. Садовый цветок. 25. Балльный танец, автором сложного трюка. 26. Плавучее горно-обогатительное сооружение. 27. Хищная птица.

По вертикали: 1. Стихотворение Н. А. Некрасова. 2. Цвет, окраска. 3. Действующее диало пьесы М. Горького «На дне». 4. Старинный военный головной убор. 6. Высокий мужской голос. 7. Полюсовое действующее лицо. 1812 года. 8. Категория. 9. Древнее металлургическое оружие. 10. Металлическая коробка с подвижными, передающими нагрузку вагоны, домотанная на ось колеса. 11. Неудачное схождение. 13. Вид городского транспорта в прошлом. 16. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 18. Хлопчатобумажная ткань. 21. Опера В. Белини. 23. Порт в Тунисе. 24. Высученные корки александрии, лимона, припосы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 2. Волгоград. 4. Катет. 6. Шпала. 8. «Олеся». 10. Интерпретация. 11. Рояль. 12. Станиславский. 23. Спурт. 27. Наган. 29. Амурт. 30. Акватория.

По вертикали: 1. Достопримечательность. 2. Вета. 3. Нота. 4. Калдр. 5. Торт. 7. Палино. 9. Стайл. 11. Рифма. 13. Робот. 13. Ардан. 14. Врас. 15. Занон. 16. Непла. 18. Остап. 21. Афиша. 23. Диде. 24. Вит. 26. Ушба. 28. Гиря.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Славей хлупа в счет одиннадцатой пятилетки встречают XXVI съезд КПСС ходокобы колхоза имени Карла Маркса, Буинского района, Ташкентской области.

Фото Г. Пуна (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Осеня. Фото В. Матеева (Москва. На фотоконуре).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Ю. С. ПЛЮШКО, Г. П. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ПОПОВА.

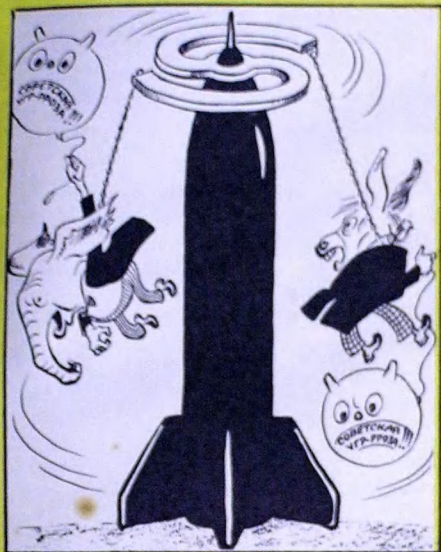
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАНОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 220-56-88; Международной — 212-30-03; Социально-экономической — 220-24-31; Искусств — 220-46-98; Литературы — 212-63-68; Военно-патристической — 220-15-33; Наука и техника — 221-21-38; Юридическая — 212-22-69; Спорт — 212-22-15; Общественная — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Славо и набор 26.09.80. Подписано и печатано 14.10.80. А 00433. Формат 70х109/16. Рубрикация по Уд. поч. д. 70. Уч.-изд. л. 1158. Тираж 1780 000 экз. Изд. № 2508. Запас № 3003.

Органы Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Законская карусель

Оседлал «золотого тельца»

Нефтяной стервятник кружит...

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

JSSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

